

Б. Беломор

КУРС НА ЮГ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Б. Беломор

Курс на юг

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Беломор Б.

Курс на юг / Б. Беломор — «Издательство АСТ»,
2023 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151100-5

После серии неудач гордая Британия запросила наконец пощады. И пока дипломаты главных европейских держав перекраивают карту мира на международной конференции в городе Триест, вспыхивает новый конфликт, далеко от Балтики и Средиземного моря, в водах, омывающих самую дальнюю оконечность Южноамериканского континента. И тут, конечно, не обошлось без уже знакомых нам героев: все трое, в новых ролях и на новых должностях, принимают в событиях самое активное участие. Другие воды... Другие звезды... Другие интересы. Но так или иначе, дело все равно решают мины, тараны, броня, пушки боевых кораблей и, конечно, выучка, отвага и самоотверженность тех, кто несет на них службу. Кроме того, друзьям придется проявить себя и на фронте тайной войны. Здесь, на самом краю света, у Российской империи могут возникнуть достаточно неожиданные интересы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151100-5

© Беломор Б., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
I	8
II	11
III	17
IV	21
V	23
VI	28
VII	34
VIII	38
IX	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Б. Беломор

Курс на юг

© Б. Беломор, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

* * *

Пролог

21 марта 1879 г.

Юг Тихого океана. Побережье Чили

Вблизи порта Икике

Струя из брезентового рукава, направляемого руками смуглолицего матроса, окатила палубу. Вода расплескивалась по сторонам прозрачными искрящимися брызгами, но ручейки, стекающие в шпигаты, были мутными, розовыми от смывтой с тиковых досок крови.

Порядок на военном корабле прежде всего, даже если огромные стволы еще теплые от недавних выстрелов, если броня башни и каземата испещрена следами попаданий, а краска, предмет особой заботы всякого боцмана, ободрана осколками и щепками от разбитого вражескими снарядами рангоута. Кровавые лужицы пятнали изуродованную палубу, скапливаясь в трещинах и выщербинах тиковых досок, там, где по ним прошли очереди картечницы.

Когда бомба, пущенная с дистанции в полтора кабельтова из башенного орудия, разнесла один из котлов «Эсмеральды» и перебила всех, находящихся в кочегарках, корвет потерял ход. Правда, попытка ударить тараном перуанцам не удалась, но картечный залп из пары десятидюймовок (бой к тому моменту велся уже не на пистолетной, а на ножевой дистанции) прошелся по вражеской палубе метлой смерти.

Командир корвета капитан Артуро Пратт, подгоняемый то ли безумной храбростью, то ли осознанием неизбежного конца, перепрыгнул на возвышающийся бак монитора, размахивая саблей и револьвером. Увы, команда не поддержала его порыв, и за Праттом последовал только один человек, сержант морской пехоты. Оба храбреца немедленно были застрелены, «Уаскар» же дал задний ход, отошел на половину кабельтова и снова ринулся на таран.

Тогда-то остатки команды несчастной «Эсмеральды» и кинулись в отчаянии на abordаж – и могли бы добиться успеха, если бы не «гатлинг», встретивший осатаневших после героической, но совершенно бессмысленной гибели Пратта чилийских матросов. Тяжелые пули прошивали человеческие тела, раскалывали тщательно выскобленные тиковые доски и бессильно отскакивали от броневой палубы. Дюжина человек была сметена в считанные секунды. Это их кровь смывали сейчас в шпигаты бурлящие струи воды.

– Поздравляю вас, сеньор адмирал! – Голос вахтенного офицера прерывался от восторга. – Это грандиозная победа! Теперь чилийцы сто раз подумают, прежде чем выйти в океан!

Мигель Грау досадливо поморщился. Ему отчего-то сделалось неловко за мальчишку. Еще один такой наивный энтузиаст лежит сейчас с маленькой дыркой посреди лба в судовом лазарете – единственная жертва этого боя. Впрочем, единственная ли?

– Прислушайтесь, мичман... – Он указал сложенной подзорной трубой на зойдовую сторону горизонта, откуда то и дело доносился глухой гул. – Что скажете?

Юноша с недоумением воззрился на начальство.

– Орудийная канонада, сеньор адмирал. Думаю, это «Индепенденсия» добивает «Ковадонгу».

«Индепенденсия», броненосный фрегат британской постройки, под командой капитана первого ранга Хуана Гильермо Мура, сопровождала «Уаскар» в этом рейде. В самом начале боя, когда монитор сцепился с незадачливой «Эсмеральдой», адмирал передал Муру приказ: преследовать второй чилийский корабль, канонерку «Ковадонга», пытающуюся уйти, прижимаясь к прибрежному мелководью.

– У наших преимущество в ходе почти в два узла, – продолжал тем временем мичман. – Так что чилийцам от них не...

Адмиральский указующий перст, обтянутый белым шелком, взлетел к небесам.

– По-вашему, мы слышим главный калибр «Индепенденсии»?

Мичман прислушался – и недоуменно нахмурился.

– Пожалуй, вы правы, сеньор. Для семи дюймов звук несколько... жидковат.

– А я о чем? Чилийская же канонерка несет семидесятифунтовки, и я готов поклясться мощами Санта-Розы де Лима, что это их нежный голосок. А теперь спросите себя: почему молчат пушки фрегата?

И дождавшись, когда лицо сопляка нальется краской смущения, добавил:

– То-то, мичман. Боюсь, мы выиграли всего лишь первое и далеко не самое крупное сражение тяжелой войны. Командуйте штурвальным поворот. Идем на помощь Муру. Что-то у меня дурные предчувствия...

– Вижу дымы! – заорал сигнальщик. – Мачты вижу! Два судна на зюйд-зюйд-тень-ост! Дистанция...

Адмирал, не дожидаясь, пока унтер закончит возиться с микрометром Люжоля, раздвинул свою подзорную трубу (новомодных апризматических биноклей он не признавал), подкрутил резкость, взгляделся и нахмурился. Увиденное ему решительно не понравилось.

На горизонте ясно различались в оптических стеклах два комплекта мачт. Один принадлежал гафельной шхуне. «Ковадонга», чилийская канонерка! И второй: куцые, укороченные перед боем по самые бочкообразные боевые марсы мачты «Индепенденсии», красы и гордости флота Республики Перу! Но... почему эти мачты так нелепо перекошены?

Предчувствия не обманули адмирала. Преследуя «Ковадонгу» и конвоируемый ею пароход «Ламар», командир броненосного фрегата допустил роковую ошибку. Не добившись успеха в стрельбе из погонного орудия (единственная попавшая в цель бомба пронзила, не разорвавшись, деревянный корпус канонерки), он утратил хладнокровие и попытался завершить схватку таранным ударом. Но не тут-то было: командир «Ковадонги», тридцатишестилетний капитан первого ранга Карлос Конделл, умело маневрировал на мелководье вблизи берега, раз за разом уворачиваясь от смертоносного бивня. И – удача любит храбрецов! Когда «Индепенденсия» приблизилась на один кабельтов и уже готова была поразить хрупкое суденышко своим носорожьим бивнем, пуля, пущенная со шканцев, насмерть поразила рулевого. Продолжая начатый поворот, бронированный утюг на полном ходу вломился на каменистую банку – и замер с сильным креном на правый борт.

На этом сражение закончилось, началось избиение. Могучий главный калибр броненосца сразу стал бесполезен – на огонь «Ковадонги» отвечала единственная картечница Гатлинга. А Конделл не торопясь зашел на «Индепенденсию» с кормы и принялся громить ее продольными залпами. И пока не возникла на горизонте единственная мачта «Уаскара», успел всадить в броненосец дюжину разрывных бомб. После чего помахал перуанцам ручкой и отправился догонять «Ламар».

Мигель Грау, провозившись до ночи с попытками стащить искалеченный броненосец с мели, плюнул и приказал Муру сжечь «Индепенденсию», предварительно сняв с нее пушки. И даже из этого мало что получилось: матросы, измотанные долгим боем, переправили на берег лишь две бесценные (с современной артиллерией у перуанцев дела обстояли неважно) армстронговские семидюймовки.

Так что адмирал в итоге оказался прав: это была лишь первая победа. К тому же, как выяснилось, пиррова, ведь даже такому неисправимому энтузиасту, как вахтенный мичман «Уаскара», не достало бы оптимизма назвать равноценным размен броненосного фрегата, самой мощной боевой единицы перуанского флота, на старый деревянный корвет.

Часть первая

Игры джентльменов

I

Май 1879 г.

Англия. Лондон

За три месяца до описываемых событий

Улицы Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс-стрит, расходящиеся от Сент-Джеймского дворца, разительно отличаются от неухоженных улочек, тянувшихся всего в нескольких кварталах оттуда. Здесь настоящий имперский Лондон: высокоблещенные до блеска мостовые, строгие, как премьер-министры, констебли, великолепные лошади в дорожных экипажах. Район славится джентльменским оазисом, оплотом холостяцкой жизни лондонского общества. Его так и называют: Клабленд. Тринадцать джентльменских клубов, оплот традиций, оплот политической и общественной жизни лондонской элиты. Вернее сказать, мужской ее части – женщины в заведениях Клабленда не допускаются ни при каких обстоятельствах.

Клабленд начинается от площади Ватерлоо, у самого подножия мемориала гвардейцам в шинелях и лохматых медвежьих шапках, погибшим в Крымской войне. Фигуры эти, как и фигура Флоренс Найтингейл, первой, если верить британским историкам, сестры милосердия, отлиты из бронзы русских пушек, взятых в захваченном Севастополе – весьма, весьма актуальное напоминание в свете текущей политики Британской империи. Увы, сравнение это отнюдь не в пользу дня сегодняшнего...

Итак, Клабленд. Средоточие лондонской политики. «Реформ-клуб» лейбористов и оплот их политических недругов, консервативный «Карлтон-клуб». А неподалеку – «Клуб путешественников», членам которого вменялось в обязанность хотя бы раз в год удаляться от Лондона не менее чем на пятьсот миль. Другая достопримечательность этого клуба – комната под названием «Кофейная», единственное место в клубе, где нельзя пить кофе.

«Если вы уже стали членом клуба, примите наши поздравления, однако не стоит привлекать излишнее внимание к этому. Даже если клуб входит в число знаменитых, сообщить о своем новом статусе полагается как бы между прочим, спокойно, слегка небрежно.

Если вы пригласили в клуб гостя, имейте в виду, что он может быть не знаком с его правилами, и лучше рассказать о них заранее. Встречайте гостей у входа, а еще лучше – приходите вместе с ними. Если же пригласили вас, имеет смысл заранее уточнить у приглашающего нюансы.

Недопустимо обсуждать в публичных беседах доходы, семью, детей; о политике тоже лучше не говорить, для этого есть специально отведенное время и место. Не стоит также блистать неумеренным остроумием. О чем же говорить, о погоде? Как ни удивительно, но именно о ней. Погода – очень важная тема, ее можно обсуждать с различными нюансами и примерами, не боясь никого задеть...»

Нет, не о погоде беседовали двое, с комфортом устроившиеся в креслах у большого мраморного камина, главного украшения «Кофейной». Если состояние атмосферы и занимало этих достойных джентльменов, то лишь в краях, весьма и весьма отдаленных не только от Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс-сквер, но и от меловых утесов Дувра, окаймляющих юг Англии.

– Вам следует поторопиться, друг мой. Эскадра выходит из Портленда через неделю, чтобы оказаться в Южной Атлантике до начала сезона весенних штормов. А вам, прежде чем

подняться на борт посуды ее величества, предстоит еще визит в Париж – по тому же делу, – говорил невысокий джентльмен с круглым, украшенным пышными усами лицом, что делало его до некоторой степени похожим на сэра Рэндольфа Черчилля, известного возмутителя спокойствия в Палате общин. Часовая цепочка, свитая из золотых нитей в виде якорного каната, неприметная орденская розетка в петлице фрака и полустертая татуировка в виде якоря у основания большого пальца выдавали в нем моряка.

– Для вас приготовлена каюта на корвете «Боа дицея». Капитан предупрежден, никто не будет докучать вам вопросами. Для команды вы – ученый-лингвист, отправляющийся изучать языки племен Южных Анд.

– Слабовато верится, милорд, – отозвался второй джентльмен. – Чертовы репортеры растажили мою физиономию по всем лондонским печатным листкам. Теперь меня каждая собака узнает, если обнюхает...

И верно, внешностью он обладал весьма примечательной: лет пятидесяти или немного больше, очень смуглое костлявое лицо с широким лбом и раздвоенной бородой. Левую щеку украшал глубокий уродливый шрам. Бросалась в глаза трость с массивным набалдашником из слоновой кости и инкрустацией в виде арабской вязи, украшающей темный, почти черный дуб. Вопреки принятым в клубе порядкам смуглолицый не отдал трость при входе лакею, а взял с собой и вертел в пальцах даже сидя в кресле.

– Ну, так вы сами и виноваты, дорогой Ричард! После ваших скандальных публикаций о любовных обычаях обитателей Востока газеты в вас души не чают... на свой манер, разумеется. Вы для них – постоянный источник скабрзностей, скандалов и увлекательных историй.

– Не стоит преувеличивать, милорд. – Смуглолицый скривился в усмешке, которую впечатлительный человек мог бы назвать оскалом. – Когда это было! С некоторых пор я торчу безвылазно на консульской должности в Триесте и веду жизнь до отвращения благочестивую и размеренную.

– Как, например, во время недавнего визита на Ближний Восток? – И моряк тонко усмехнулся в усы. – Кстати, русские до сих пор считают вас погибшим. Не стоит разочаровывать их, дорогой Ричард, тем более что дела вам предстоят весьма серьезные. На вашем месте я бы сбрил бороду, все же так вас будет труднее узнать.

– Кому надо, узнают, – буркнул смуглолицый, машинально потеряв шрам. – Я прибуду на борт «Боадицеи» перед самым выходом в море, а уж там пусть узнают сколько угодно. Надеюсь, на военных кораблях ее величества нет русских шпионов?

– Я бы тоже хотел на это надеяться, – вздохнул моряк, – хотя теперь ни в чем нельзя быть уверенным. Наши агенты в Петербурге докладывают, что при русском адмиралтействе создан особый департамент, занимающийся исключительно разведкой. Кстати, возглавляет его ваш старый знакомец граф Юлдашев. Не забыли, надеюсь?

– Такое, пожалуй, забудешь... – Сухие, похожие на узловатые корни пальцы стиснули шaft трости. – Ведь это его я должен благодарить за срыв операции в Порт-Саиде.

– Ничего, друг мой, срывы случаются у кого угодно, – примирительно отозвался собеседник. – Даже у великого Шекспира были неудачные строки. Но теперь все в ваших руках.

Он взял с каминной полки большой конверт темно-коричневой бумаги, запечатанный пятью вишневыми сургучными печатями.

– Здесь подробности вашего нового задания. Документы, рекомендательные письма к некоторым высокопоставленным лицам в Чили и Аргентине. Вы ведь, если мне не изменяет память, бывали в тех краях?

– Память вам не изменяет, – сухо отозвался смуглолицый. – Я несколько лет состоял в должности консула в бразильском Сантусе и немного попутешествовал по стране.

– Немного – это когда вы пересекли континент с востока на запад и встретили Рождество, отстреливаясь в Андах от враждебно настроенных индейцев? А когда такая спокойная и размеренная жизнь вам наскучила, отметились на фронтах какой-то мелкой местной заварушки?

– Если вам угодно назвать мелкой заварушкой жуткую резню, которую уругвайские мясники учинили в Парагвае вместе со своими союзниками из Бразилии и Аргентины, то да, сподобился, побывал. И желал бы поскорее забыть о том, чему стал там свидетелем. Три тысячи детских трупов на поле сражения при Акоста-Нью до сих пор видятся мне в ночных кошмарах.

– Ну-ну, друг мой! – И моряк примирительно поднял перед собой ладони. – Не стоит принимать это так близко к сердцу. Туземцы, если, конечно, оставить их без присмотра, режут друг друга, предаваясь этому занятию с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Зато во время своих латиноамериканских странствий вы перевели на английский местные сказания аборигенов, а заодно и бессмертные поэмы великого Камоэнса. Надеюсь, вы владеете испанским не хуже, чем португальским?

Вопрос был праздным. Обоим было отлично известно, что смуглолицый, будучи чрезвычайно одаренным лингвистом, более-менее уверенно владел несколькими десятками языков и наречий, включая арабский, суахили и язык индейского племени тупи-тупи.

– Так вот, дружище, это задание – ваш шанс реабилитироваться в глазах первого лорда Адмиралтейства, а то и самого премьер-министра. Они, знаете ли, косо смотрят на вас после провала в Порт-Саиде. И тогда... – Тут моряк сделал многозначительную паузу. – И тогда, надеюсь, я смогу назвать вас сэром Ричардом Фрэнсисом Бертоном.

Ведь деяние такой важности достойно ордена Святого Михаила из рук ее величества!

II

Маѹ 1879 г.

Северное море

Траверс маяка Весткапелле

Если снова хочешь в гости к тетке Кэрри,
Так не мешкай, собирайся к тетке Кэрри,
Где цыплят своих бедовых
 кормит в море тетка Кэрри,
Прощай!..

Песенка доносилась из распахнутого по случаю солнечной погоды иллюминатора. Барон Гreve потянулся, с удовольствием хрустнув суставами, закинул руки на белоснежную, отделанную кружевами подушку и покосился вправо. Прелестная головка Камиллы покоилась рядом – каштановые кудри рассыпаны по простыне, розовое ушко выглядывает из-под спутанных кудрей, так и манит... Свежеиспеченная баронесса отдыхала после бурной, полной амурных утех ночи.

Вот и пусть себе отдыхает. «Луиза-Мария» возвращается в Остенде после короткого рейса к берегам Дании, предпринятого ради пробы машин, прошедших после недавнего драматического плавания в Индийский океан полную переборку и частичную модернизацию. И у законного владельца паровой компании (неважно, что она досталась ему в качестве приданого супруги), конечно, полно дел.

Покойный первый муж Камиллы, прежний владелец парохода, и сам был когда-то капитаном, только не в военном флоте, а в торговом, так что команду не удивит, что и новый хозяин не гнушается спускаться в кочегарки, часами пропадает в машинном отделении, забирается в угольные ямы, а в промежутках между этими занятиями подолгу стоит на мостике рядом со шкипером, достопочтенным мсье Девиллем.

И уж конечно, все помнят, как новый владелец «Луизы-Марии» впервые появился на борту. Случилось это посреди Индийского океана, когда русский клипер «Крейсер» остановил пароход, идущий в Карачи, с трюмами, полными ящиков с винтовками, патронами и прочей воинской амуницией. Этот груз, безусловно, попадал под определение военной контрабанды (Россия на тот момент уже несколько месяцев находилась в состоянии войны с Британской империей), так что судно ждала незавидная участь.

Но командир русского клипера пожалел «Луизу-Марию», рука не поднялась топить белоснежную красавицу. С элегантными, почти гоночными обводами, сильно наклоненными к корме мачтами, она больше походила на частную яхту, нежели на грузовой пароход, и только широкие люки трюмов да грузовые тали, свисающие с нижних реев, выдавали ее коммерческое назначение.

– Мой покойный супруг, – рассказывала мадам Камилла русскому мичману, поставленному во главе призовой команды, – строил «Луизу-Марию» как особое судно. Он заявил, что на ее борту никогда не будет кирпича, цемента, угля, железнодорожных шпал и рельсов, бочек с машинным маслом, деталей машин – всех этих необходимых, но унылых атрибутов цивилизации.

И действительно, трюмы «Луизы-Марии» обычно наполняли особые грузы: ценные сорта дерева, хлопок, фрукты, пряности, ткани. И только в одном-единственном рейсе в них загрузили оружие и аммуницию, предназначенные для британской армии... И надо же было именно тогда напороться на русских!

Итак, «Луизу-Марию» было решено не топить. Приз под командой барона Карла Гreve (очаровательная пленница к тому моменту уже успела вскружить мичману голову) сопровождал «Крейсер» в головокружительном рейде к берегам Индии, где русские моряки высадили на берег мятежников-сипаев, освобожденных ранее из каторжной тюрьмы на Андаманских островах и вооруженных винтовками, взятыми из трюмов трофея. Так что оружие все же попало в Индию, правда, совсем не к тому, кто был указан в коносаменте¹...

После этого, к удивлению шкипера мсье Девилля, русские отпустили «Луизу-Марию». Но это не обрадовало владелицу парохода: мадам Камилла заперлась в своей роскошной каюте, а в те редкие моменты, когда она появлялась на палубе в сопровождении Лиззи, своей горничной-мулатки, глаза ее предательски блеснули. А когда по телеграфному проводу в Аден, куда «Луиза-Мария» зашла для мелкого ремонта, пришло известие о гибели русского клипера в схватке с британской эскадрой у берегов Занзибара, женщина три дня подряд не показывалась из каюты.

К счастью, новая телеграмма развеяла ее горе. Барон Гreve оказался жив. В бою он потерял кисть левой руки, но это не слишком сильно огорчило мадам Камиллу – она сразу сообразила, что полученное увечье вынудит барона выйти в отставку, а значит, можно будет захомутать его всерьез и надолго. Морской офицер, немец по происхождению... Ну хорошо, остзейский немец. Кого в Европе интересуют подобные тонкости? Отличившийся в боях, отмеченный наградами (после заключения мира на моряков пролился дождь из крестов и орденов разных стран), барон со своей длинной родословной, восходящей от рыцарей Тевтонского ордена... Чем не партия для очаровательной вдовы, да еще и владелицы солидной паровой компании?

Свадьба состоялась в начале мая, после чего молодожены поднялись на борт «Луизы-Марии» и пароход вышел в море. В светских гостиных Брюсселя повздыхали, посетовали на неугомонную натуру мадам Камиллы – и единодушно заключили, что супруги вполне стоят друг друга.

Женщина вздохнула и перевернулась на спину. При этом шелковая простыня сползла, открыв нескромному взору супруга восхитительную грудь, просвечивающую сквозь легчайший шелк пеньюара. Барон судорожно сглотнул. На миг мелькнула мысль плюнуть на назначенную на утро инспекцию рулевых механизмов и задержаться еще на пару часиков на супружеском ложе. Камилла любит предаваться любовным утехам именно по утрам, когда ее тело еще теплое ото сна, нежно-расслабленное, податливое...

Нет. Нельзя. Гreve помотал головой, отгоняя соблазнительную картину, и позвонил в колокольчик. Дверь распахнулась. Горничная-мулатка, словно того и ожидавшая, появилась на пороге каюты с подносом, на котором стоял кувшин с горячей водой и были разложены бритвенные принадлежности.

Барон вздохнул, бросил прощальный взгляд на жену и проследовал вслед за Лиззи в туалетную комнату.

А когда утихнет буря —
в гости к тетке Кэрри,
Через все водовороты – к тетке
Кэрри,
Где цыпят своих бедовых кормит
в море тетка Кэрри,
Прощай!..

¹ Документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу. Удостоверяет право собственности на отгруженный товар. – Здесь и далее прим. авт.

Звуки песенки-шанти по-прежнему неслись из иллюминатора. Волны, накатывающиеся с норд-оста, со стороны Скандинавии, бились в скулу, машина, стучавшая размеренно, словно отлаженный часовой механизм от лучших швейцарских мастеров, вдруг сбавила темп, задышала медленнее, переходя на холостой ход. На палубе боцман что-то орал по-фламандски, ему вторили скрипы канатов и гулкое уханье палубных матросов, высвистанных к авралу.

Все ясно: шкипер Девилль, торопясь поймать попутный ветер, приказал ставить паруса, под которыми «Луиза-Мария» ходила немногим хуже, нежели под раскочегаренной до полных оборотов машиной – новенькой, тройного расширения, изготовленной всего два года назад на лучшем механическом заводе Англии.

– Раз-два – взяли! На скрипучий
кабестан нажмем дружнее.
Так держать! Да подтяните,
чтоб на брашпиль весь канат,
Грот поднять! Распущен стаксель,
крепче принайтовить реи,
Взятку морю ну-ка за борт,
как обычаи велят!
Ах, прощай, ах, прощай,
мы опять идем в моря,
К черту ром, да и девчонку
прочь с колен – отплывай!
«Торопись, – кричит нам ветер, —
все не зря, все не зря,
Поспеш, пока попутный!
Раз-два-три – не зевай!
Если снова хочешь в гости
к тетке Кэрри,
Так не мешкай, собирайся
к тетке Кэрри,
Где цыпят своих бедовых
кормит в море тетка Кэрри.
Прощай!..»²

Камилла наклонила серебряную, исходящую ароматным кофейным паром бульотку и наполнила чашки. За ланчем, сервированным в пассажирском салоне «Луизы-Марии», она предпочитала обходиться без услуг горничной. Лиззи только подала кофе со свежими, выпеченными на парижский манер круассанами, положила на угол стола газеты, полученные с голландского пакетбота, и удалилась.

Барон, сделав маленький глоток обжигающего, черного, как смола, напитка, развернул лондонскую «Таймс».

«...война в Афганистане, начавшаяся в ноябре 1878 года, принесла нам сплошные разочарования. Войска терпели поражения, и армии еле-еле удалось избежать полного разгрома. Это вызвало брожение среди некоторых индийских раджей, видевших в ослаблении Британии шанс для восстания. Вскоре начались беспорядки в Индии, спровоцированные выводом британских войск из Кандагара. Но это были лишь отголоски надвигающейся бури.

² Р. Киплинг, «Якорная».

После того как Особый Туркестанский корпус генерала Гурко вторгся в вице-королевство со стороны Гиндукуша и Сулеймановых гор, в Индии вспыхнуло восстание, грозящее если не уничтожить вовсе наше господство в этой стране, то, во всяком случае, сильно его поколебать. При этом Британия оказалась крайне затруднена в части снабжения – как из-за развернутой Россией крейсерской войны, так и из-за потери Суэцкого канала. Последнее обернулось подлинной катастрофой, в особенности на фоне прочих неудач королевского флота. Но теперь, когда пушки смолкли и судьбы мира решаются не на морских просторах, а в кулуарах конференции в Триесте, мы вправе задать правительству вопрос: сколько еще будут продолжаться эти мятежи, равно губительные для престижа Британской империи и для ее экономики с финансами?...»

– Досадные неудачи! – презрительно фыркнул Гreve. – Это так господа «просвещенные мореплаватели» называют потерю сначала Балтийской, потом Средиземноморской эскадр, а потом еще и унижительный щелчок по носу, которым их наградили янки в Чесапикском заливе? Да, на какие только словесные ухищрения не пустишься, чтобы хоть чуть-чуть смягчить тягостное впечатление от поражений...

Камилла пожала плечиком.

– Думаю, ты не вполне прав, мон шер ами. Кабинет Гладстона у власти меньше трех месяцев, и вину за все неудачи британская пресса валит на ушедшего в отставку Дизраэли и его министров. Автор этой статьи смотрит в будущее: без сильного флота Индию не удержать, и в Британии всю обсуждают новую кораблестроительную программу, которая позволила бы восполнить понесенные потери. Можешь не сомневаться, вскоре программа эта будет представлена в парламент, и я боюсь даже предположить, о каких суммах там пойдет речь...

Гreve кивнул и покосился на жену с подозрением. Его супруга – поистине обворожительная женщина, да и в постели неподражаема, но... сколько раз его предупреждали избегать связей с чересчур умными и деятельными представительницами слабого пола? А ведь любой известной ему даме, попадающей под данное определение, его жена даст сто очков форы по части разума и кипучей энергии.

– ...Но дело, конечно, совсем в другом, – продолжала Камилла, не замечая (или делая вид, что не замечает?), как вытянулась физиономия супруга. – Пока Гибралтар, Сингапур и подобные им приморские твердыни сидят, как пробки в бутылках, в самых важных для мировой торговли узостях, англичане могут чувствовать себя вполне уверенно. Что до броненосцев... – Тут она мило улыбнулась и сделала еще глоточек кофе. – Они могут наклепать их сколько угодно, верфей и заводов в Англии достаточно, да и мастеровые пока не все взяты во флот матросами. Впрочем, – Камилла сложила газету, – я уверена, что твои бывшие начальники хорошо это понимают.

Барон медленно кивнул.

– Ладно, что это мы о политике да о политике? – Она улыбнулась мужу и, шурша накрахмаленными юбками, поднялась со стула. – Я буду ждать в каюте, милый Шарль. Как только закончишь свои скучные дела, приходи. Надеюсь, мы до ужина найдем занятие поувлекательнее. – На этот раз улыбка была откровенно вызывающей.

И женщина выпорхнула за дверь, оставив легкий аромат корицы и жасмина.

Барон проводил жену взглядом, помотал головой, отгоняя соблазнительное видение того, что ждет его в каюте, и подошел к стоящему в углу салона бюро на гнутых ножках. Ключиком, привешенным к часовой цепочке, отпер ящик. Вытащил конверт из толстой темно-коричневой бумаги, извлек из него листок – и нахмурился. В верхнем углу на синеватой веленовой бумаге красовался лиловый штамп Морского министерства Российской империи.

«Привет и долгие годы жизни тебе, Гревочка, друг любезный! Вроде и двух месяцев не прошло с нашей прошлой встречи, а сколь много в них уместилось! Для начала прошу извинить меня за то, что не смог присутствовать на твоём бракосочетании. Назначение мое в

Триест, в нашу делегацию на конференцию по Суэцкому каналу, в самый последний момент было отменено. Заодно сорвалась и поездка в Европу, которой я намеревался воспользоваться, чтобы посетить ваше с прелестной мадам Камиллой торжество. Что поделать, *mon ami*, служба, служба! Письмо это отсылаю не обычной почтой, а с оказией, позже ты поймешь почему...»

Добравшись до этих строк, барон Грeve пожал плечами. Оказия означала дипломатическую корреспонденцию русского консула в королевстве Бельгия – пакет из темно-коричневой бумаги был доставлен ему на дом посольским курьером, что, наряду с казенной адмиралтейской печатью, подтверждало особый статус послания, весьма далекий от дружеской переписки. С тех пор барон не раз и не два перечитал послание Остелецкого, слишком уж важными и тревожащими были содержащиеся в нем известия.

«...все понимаю, друг мой: сладость медового месяца, новые знакомства, вхождение в высший свет, да еще сугубо деловые хлопоты – как же, целая пароходная компания, это тебе не дежурная вахта на “Крейсере”! Однако же, памятуя о службе государевой, которая, смею надеяться, и для тебя пока еще не пустой звук, принужден обратиться с просьбой. Ведомство, которое я в настоящий момент имею честь представлять, до крайности заинтересовано в том, чтобы ты изменил планы и предпринял вояж, и не куда-нибудь, а к берегам Южной Америки, к самым скалам Магелланова пролива, которыми мы с тобой и с товарищем нашим Сережкой Казанковым бредили еще в училище.

Кстати, о Казанкове... Он сейчас направляется в город Новый Йорк на борту корвета “Витязь”, где состоит в должности старшего офицера. Да ты, наверное, помнишь – его спускали на воду в день нашей встречи в Петербурге, и мы даже слышали учиненную по сему поводу салютацию. Это, скажу тебе, Гревочка, какая-то нерусская поспешность и поворотливость: всего полтора месяца прошло с момента, когда судно покинуло стапеля Балтийского завода, а его уже достроили и оснастили для первого плавания. Глядишь, и встретитесь с *monsieur* Казанковым; конечно, Южная и Северная Америки изрядно отстоят одна от другой, а все же это ближе, чем от твоего Остенде или наших столичных пенатов.

Касательно поручения, которым мое начальство намерено тебя обременить. По причинам, которые должны быть тебе понятны, я не могу изложить их в этом послании. Поступим так: в конце мая я буду во Франции, в Париже, там и встретимся. Я подробнее тебе все объясню, а заодно отметим изменение твоего семейного положения, как подобает старым товарищам.

Счастливцев ты, Гревочка: мне-то с моими невысокими чинами еще нескоро светит получить разрешение на брак; впрочем, пока я и намерения-то такого не имею. Что до нашего Сережи, то он, сдастся мне, до сих пор хранит в сердце траур по ненаглядной своей *Ninon*, и даже недавняя военная кампания не принесла бедняге душевного спокойствия. Ну да Господь ему и судья, и утешение.

Засим прощаюсь и рассчитываю на скорую встречу. По прибытии в Париж потрудись остановиться в отеле “Le Meurice”. Говорят, гостиница эта весьма недурна. Я сам тебя там разыщу.

P. S. Кстати, о жизни семейной: советую, искренне советую, дружище, помозговать о том, как представить предстоящую поездку очаровательной *madame Grève*. Жены, они, брат ты мой, такие: неохотно отпускают мужей от себя, особенно сразу после свадьбы. Не хотелось бы, чтобы моя просьба обернулась для тебя семейными неурядицами...»

Барон дочитал письмо до конца, сложил в конверт, запер в секретер и задумался. Совет Остелецкого, содержащийся в постскриптуме, был далеко не праздным: следовало, в самом деле, как-то объяснить Камилле предстоящую отлучку. Планируя бракосочетание, они собирались в начале июня отправиться в долгое свадебное путешествие на «Луизе-Марии», для того и проверяли судно после ремонта в нынешнем плавании. Теперь планы придется пересматривать.

Взгляд его упал на книжный, вишневого дуба шкаф. На верхней полке красовались нарядные переплеты собрания сочинений французского писателя и футуровидца Жюль Верна. Барон души не чаял в его романах, проглотил их бесчисленно еще во время учебы в Морском училище и, оказавшись в Бельгии, перво-наперво выписал из Парижа дорожное издание в богатом коленкоровом, с золотым тиснением переплете и с иллюстрациями, переложенными папирсной бумагой. Камилле же, не одобрявшей увлечения «низкопробной беллетристикой» (ее собственные слова!), он заявил, что приобрел книги, чтобы попрактиковаться во французском, благо русские переводы он знает едва ли не наизусть.

Решение пришло сразу: если лорд Гленарван превратил свадебное путешествие на яхте «Дункан» в спасательную экспедицию, то почему бы ему, барону Гreve, не совместить свое свадебное путешествие с выполнением поручения ведомства, в котором состоит Венечка Остелецкий? В конце концов, чем шотландский аристократ лучше остзейского барона? Надо только найти романтический и убедительный повод, способный увлечь воображение новобрачной.

Барон задумался. Недавно в одной из брюссельских газет ему попала любопытная заметка. Тогда он посмеялся и выбросил ее из головы, но теперь она может пригодиться весьма кстати. Надо, решил барон, сразу по возвращении разыскать автора, чтобы спланировать все еще до встречи с Остелецким в Париже. К тому же, если верить некоторым сугубо деловым корреспонденциям, напечатанным в газетах, поездка эта может оказаться весьма полезной для семейного предприятия, в которое превратилась теперь пароходная компания, приданое баронессы Гreve.

И барон потянулся к нижней полке шкафа, где хранились подшивки газет и журналов.

III

Май 1879 г.

Красное Село. Возле Санкт-Петербурга

Остелецкий дал лошади шенкеля. Рыжая донская кобыла (лошадей им дали казаки, состоявшие при штабных конюшнях, предупредив, что выбрали для «ихних высокородий» коняшек помирнее, потому как, знамо дело, моряки) фыркнула, вылетела вслед за гнедой графа Юлдашева на гребень холма и встала. Дальше дороги не было. Склон обрывался песчаной кручей, и внизу, в дюжине саженой, в узком дефиле, проходила на рысях батарея лейб-гвардейской конной артиллерии. Донской казачьей батареи. Могучие вороные кони, по шесть в запряжке, черная с красными лампасами и выпушками форма ездовых и фейерверкеров, ротмистр, батарейный начальник – сбоку колонны, в клубах пыли, поднятой высокими колесами орудий и передков, что-то неслышно орет, и пышный султан развевается над каской с золоченым налобником в виде двуглавого орла...

Сборы в военном лагере Красного Села в разгаре. Вдали, за речкой Лиговкой, виднеется Царский валик, туда-то и направляются конно-артиллеристы. Дальше, за Лабораторной рошей, белеют ряды парусиновых солдатских палаток. Их ставят в начале мая, когда полки прибывают в военный лагерь на сборы. Офицеры же квартируют неподалеку, в деревянных благоустроенных домах, выкрашенных в цвета полков.

Обыкновенно в красносельских сборах участвуют десятки тысяч военных, а в редкие годы больших маневров (например, в 1853-м, перед Крымской войной) их здесь разместилось до ста двадцати тысяч. К середине мая размещение полков заканчивается и начинается первый, строевой и стрелковый, этап сборов. После полки занимаются ротными и батальонными полевыми экзерцициями, и в августе сборы завершаются большими маневрами.

Сейчас многих полков, обычных гостей военного лагеря, на месте нет. Одни – на Балканах, другие переброшены на юг, в Туркестан, к афганской границе, на случай возобновления боевых действий в Индии. Даже гвардия и та еще не в полном составе, не все полки успели вернуться в столицу. Однако ж ряды палаток по-прежнему стоят плотно – места отсутствующих полков заняли команды военных училищ. Вот они, кстати: следом за конно-артиллеристами Николаевское кавалерийское училище проходит строем, с песней.

Едут, поют юнкера Гвардейской школы,
Трубы, литавры на солнце блестят.
Грянем «Ура!», лихие юнкера,
За матушку Россию, за русского царя!..

Алые кепи, положенные к летней форме, алые обшлага на черных мундирах – красуются николаевцы, форсят, не приведи господь! Это пока сабельные ножны у них обычные, обтянутые черной кожей, с латунными наконечниками и устьями. Но каждый, к гадалке не ходи, предвкушает счастливый момент, когда сможет бросить в стальные, начищенные до зеркального блеска ножны палаша серебряный гривенник – для звона, по обычаю лейб-кирасир и кавалергардов.

Справа повзводно, сидеть молодцами,
Не горячить понапрасну коней.
Грянем «Ура!», лихие юнкера,
За матушку Россию, за русского царя!..

Разумеется, далеко не всякому суждено попасть в гвардию. Это участь избранных. Прочим же после выпуска предстоит разъехаться по армейским гусарским и драгунским полкам, тянуть унылую служебную лямку. Но кто ж об этом задумывается в восемнадцать-то годков от роду?

Справа и слева идут гимназисточки.
Как же нам, братцы, равнение держать?
Гей, песнь моя любимая,
Буль-буль-буль, бутылочка казенного вина!..

Ротные начальники недовольно оглядываются, грозят кулаками: ишь чего удумали, вставлять неположенный припев про «буль-буль-буль»! А николаевцам хоть бы хны, им сейчас сам черт не брат!

Здравствуйте, барышни, здравствуйте, милые,
Съемки у нас, юнкеров, начались!
Гей, песнь моя любимая,
Буль-буль-буль, бутылочка казенного вина!..

– Хороши, прохвосты! – с удовольствием сказал Юлдашев, когда колонна николаевцев миновала дефиле, и можно стало говорить, не глотая пыль, поднятую сотнями копыт. – Ну что ж, полюбовались, Вениамин Палыч, и к делу. Вы, верно, гадаете, зачем я пригласил вас на эту прогулку?

Остелецкий наклонил в знак согласия голову. Юлдашев, ставший после официального перехода молодого человека в департамент военно-морской разведки его непосредственным начальником, нередко выбирал для важных бесед необычные места, предпочитая их казенной тиши кабинетов.

«В нашем деле, Вениамин, – поучал он молодого сотрудника, – никогда нельзя забывать, что у любых стен могут оказаться уши. А на открытом воздухе – в парке, к примеру, или в лесочке загородном – кто нас подслушает?»

– Так о чем бишь я? – продолжал Юлдашев. Он потрепал рыжую по шее, и та мотнула головой в ответ на ласку. – С николаевцами нам сегодня еще предстоит встретиться. По итогам завершившейся кампании решено создать особые морские пластунские команды. В них набирают добровольцев, как из стрелков, так и из казаков и матросов. Также решено зачислять добровольцев из последних выпусков военных училищ. Берем, разумеется, только тех, кто подходит по нашим требованиям. А они весьма строгие, из десятка желающих хорошо если один проходит!

– Неужели в Николаевском тоже сыскались охотники? – удивился Остелецкий. – Где кавалерия, а где флот?

– Еще как сыскались, друг мой. Особенно когда узнали, какое положено от казны жалованье. Сами знаете: армейские корнеты и прапорщики, из тех, кто живет только лишь на казенный кошт, отнюдь не роскошествуют. Хотя и не бедствуют, конечно.

Веня согласно кивнул. В самом деле, кое-кто из будущих кавалеристов вполне мог польститься на высокое жалованье и перспективы быстрого роста по службе.

– Морские пластунские команды будут состоять при военных судах, несущих заморскую службу или совершающих дальние походы, – продолжал граф. – Повышенное жалованье, как я уже сказал, выслуга лет год за два, ну и подготовка, разумеется: стрельба из разных типов винтовок и револьверов, приемы рукопашного боя, владение холодным оружием любых видов.

Плавание, действия под водой с помощью особых приспособлений, именуемых «водолапти». Это, видите ли, нечто вроде перепончатых лап на ноги, а к ним – парусиновые перчатки с перепонками между пальцев. Очень, говорят, удобно и быстро плавать под водой получается, куда быстрее, чем привычным способом, дрыгая ногами-руками, аки лягушка. Изобрел их унтер-офицер Лопатин во время Дунайской кампании, а мы вот позаимствовали...

Остелецкий усмехнулся: надо же, чего только русский человек не придумает!

Граф меж тем развивал тему:

– Гимнастика – это обязательно, артиллерийская наука, начальный курс. Кроме того, специальные дисциплины вроде подрывных работ и ведения разведки. А для проявивших себя особо – телеграфное и шифровальное дело. Вот, кстати, почему наше ведомство курирует их подготовку... Морские пластуны команды, как я уже упомянул, создаются с учетом опыта прошедшей кампании. Например, некоторым нашим рейдерам приходилось высаживать разведочные партии на сушу, совершать диверсии против объектов неприятеля, захватывать стоящие на якорях суда, и, если судить по рапортам начальников партий, им крайне не хватало подготовленных людей. Матросики, конечно, бравые, и силушкой Бог не обидел, но тут-то требуются особые навыки...

Остелецкий снова кивнул.

– Верно, Александр Евгеньич. Припоминаю рассказ моего товарища по Морскому училищу лейтенанта Казанкова, как они взрывали маяки на мысе Доброй Надежды...

– Вот-вот, что-то в этом роде я и имею в виду, – согласился Юлдашев. – Собственно, я и привез вас сюда, чтобы познакомить с одной из таких команд. Они тут, недалеко, за Лабораторной рощей лагерь себе устроили. Вы приглядитесь к ним, оцените. В миссии, которая вам предстоит, эти молодцы могут очень пригодиться.

– Ну, как вам наши подопечные, Вениамин Палыч? – осведомился Юлдашев. – Видел, как внимательно вы к ним присматривались, и даже поупражнялись за компанию.

Действительно, понаблюдав за упражнениями морских пластунов на невиданных сооружениях из бревен, канатов и канав с водой, Остелецкий не утерпел, спросил у распоряжающегося занятиями хорунжего, можно ли раздобыть подходящую одежду вместо морского мундира. А когда требуемое (выцветшие парусиновые шаровары и рубаха-косоворотка из ткани бледно-зеленого цвета) принесли, присоединился к одной из групп. И сразу понял, что не в состоянии угнаться за этими ловкими, жилистыми, подвижными, как ртуть, молодцами, несмотря на то что в Морском училище числился одним из первых по гимнастике и фехтованию.

После обеда, поданного прямо к учебному городку, занятия продолжились, но уже в классах. Остелецкий посетил класс телеграфистов – большую палатку-шатер, где учащиеся, устроившись за легкими столиками, стучали ключами, упражняясь в азбуке Морзе. Заглянул в соседний шатер, в котором на длинных дощатых, покрытых брезентом столах были разложены части винтовок разных систем, а неторопливый усатый унтер объяснял ученикам особенности сверхметкой стрельбы и прицеливания с помощью новомодных ружейных телескопов. Посетил он и полянку, где на присыпанных песком площадках проходили занятия по штыковому бою, французскому ножному боксингу «сават» и каким-то неведомым ухваткам с применением палок, ножей и кривых кинжалов-бебутов.

Об этих последних надзирающий за упражнениями казачий урядник объяснил, что бебуты – личное холодное оружие морских пластунов. Они не слишком громоздки, ухватисты, а в ближнем бою позволяют, при наличии должного навыка, отбиться от сабли или абордажного палаша.

– Что тут скажешь, Александр Евгеньич... – ответил Венечка. – Впечатляет. Если бы мы всех солдат так готовили... Но я понимаю, это невозможно в армейских полках. Да, пожалуй,

и незачем. А вот иметь в каждом полку подобную команду – это было бы, думается мне, весьма полезно!

– Так ведь лиха беда начало, друг мой! – весело отозвался Юлдашев. – Уже решено, что лучшие выпускники этих курсов станут инструкторами при подготовке нового набора. Пока только для флота, но дайте срок, и до армии дело дойдет. Вы мне вот что скажите: присмотрели кого-нибудь себе в команду?

Веня кивнул.

– Есть несколько молодцов. Да вот, я их в книжечку записал. Один, как вы и говорили, из Николаевского кавалерийского, фамилия Серебренников. Двое казаков, трое флотских унтеров, ну и еще один, Георгий Лукин, тоже из юнкеров, артиллерист, бывший студент Технологички. Мне его особо рекомендовали как знатока взрывного дела.

– Вот и ладушки. Вы, голубчик, уж потрудитесь, отберите еще человек с пяток и начинайте занятия в составе команды. Кстати, давно собирался спросить: вы испанским языком владеете?

– Поверхностно, Александр Евгеньич. Читать еще кое-как могу, а вот с разговорной речью не очень.

– Вот и займитесь. Я распоряжусь прикомандировать к вашей команде офицера, свободно владеющего испанским. Попрактикуйтесь, да и с людьми вашими позанимайтесь, чтобы каждый три-четыре десятка самых употребительных оборотов знал. И, кстати... – Юлдашев сделал паузу. – Вы тут давеча упомянули о вашем товарище по Морскому училищу, лейтенанте Казанкове. Не исключено, что вам предстоит встретиться с ним, но не здесь, в Петербурге, а уже по ту сторону Атлантики. Так что завтра жду у себя, в адмиралтействе. Обсудим кое-какие детали вашей миссии – и за дело. Времени у вас, почитай, совсем не осталось.

IV

Июнь 1879 г.

Северо-Американские Соединенные Штаты.

«New York Herald»

«...перуанский броненосец “Уаскар”, прославившийся два года назад стычкой с британской эскадрой, отличился вновь! Потопив в морском бою возле порта Икике чилийский корвет “Эсмеральда” (при этом героически погиб командир корвета, капитан Артуро Пратт), монитор продолжил крейсерство и уже на следующий день ворвался в гавань захваченного чилийцами боливийского порта Мехильонес, где устроил настоящий погром, потопив около десятка различных судов, после чего направился к порту Антофагаста, где чилийцы высаживали с транспортов подкрепления, и подверг порт бомбардировке, несмотря на ответный огонь береговых батарей и канонерской лодки. Перед тем как вернуться в Кальяо, командир “Уаскара” адмирал Мигель Грау велел перерезать подводный телеграфный кабель, связывающий Антофагасту с Вальпараисо и Кальдерой, а на обратном пути перехватил и потопил несколько чилийских шхун с воинскими грузами...»

Июнь 1879 г.

Берлин. «Berliner Börsen-Courier»

«...на международной конференции в Тильзите снова кипят страсти! Британская делегация отказалась обсуждать поправки в итоговый документ о статусе Суэцкого канала, ссылаясь на то, что Германия и Франция предпринимают агрессивные действия в западной части Индийского океана, в частности...»

Июнь 1879 г.

Франция, Париж. «Le Petit Journal»

«...наши экспедиционные силы высадились в порту Анцирана на северном побережье острова Мадагаскар. С моря высадку поддерживали огнем орудий новейшие крейсера “Риго де Жемуиль” и “Эклерир”, а также броненосец третьего ранга “Ля Галлисоньер”, специально отозванный из Карибского моря, где он охранял интересы французских колоний в Вест-Индии.

Напомним читателям, что король мальгашей Радам II еще в 1861 году предоставил секретные концессии нашему соотечественнику Жозефу-Франсуа Ламберу. Но после злодейского убийства короля двумя годами позднее концессии были отменены, причем малагасийские власти отказались возмещать убытки, понесенные гражданами Франции. Переговоры, продолжавшиеся с перерывами более пятнадцати лет, результата не дали, и в результате власти Третьей республики приняли решение о вводе войск на Мадагаскар. Не приходится сомневаться, что, став протектором Франции, эта позабытая Богом и цивилизацией земля...»

Июнь 1879 г.

«С.-Петербургские ведомости»

«Нам пишут из Занзибара:

“...русско-германская эскадра в составе пяти вымпелов – полуброненосный фрегат «Князь Пожарский», клипер «Вестник», а также корветы кайзерлихмарине «Винета» и «Лейпциг» в сопровождении канонерской лодки «Альбатрос» – нанесли визит в Занзибар. Это первый совместный поход такого рода. Эскадра была встречена на рейде «салютом наций» из двадцати одного пушечного залпа.

Султан Занзибара Сеид Баргаш ибн Саид аль-Бусаид вышел навстречу боевым кораблям на яхте «Глазго», отремонтированной после морского сражения в декабре прошлого года, где яхта султана вместе с русским клипером «Крейсер» вступила в бой с британской крейсерской эскадрой. Наш корреспондент особо отмечает, что русские корабли в Занзибаре встречали с восторгом; на состоявшемся на следующий день приеме во дворце султана командиры «Пожарского» и «Вестника» были удостоены ордена Бриллиантовой звезды Занзибара. Такую же награду получил и начальник германского отряда капитан первого ранга Фолькман фон Арним.

Во время визита прошли переговоры об устройстве на острове совместной русско-германской угольной станции и ремонтных мастерских для военных судов, совершающих плавание в западной части Индийского океана. Особо отмечено, что услугами этих мастерских смогут пользоваться и суда заново создаваемого (не без помощи Второго рейха и нашего Отечества) занзибарского флота...».

Июнь 1879 г.

Лондон. «The Times»

«...пощечина Британской империи! Власти Китая объявили о запрете всем без исключения нашим судам посещать порты как материкового Китая, так и острова Формоза³. В то же время при Цинском дворе ходят упорные слухи о грядущем полном запрете торговли опиумом по всей территории Поднебесной. На центральной площади китайской столицы публично обезглавлены сто высокопоставленных чиновников, обвиненных в потворстве торговцам опиумом. Также объявлено о введении смертной казни для причастных к этому иностранцев...

...Палата общин единодушно приняла резолюцию, требующую от кабинета Гладстона предпринять самые решительные меры. Однако из-за обстановки, сложившейся на конференции в Тильзите, а также из-за потерь, понесенных Королевским флотом в недавней кампании, это может вызвать известные затруднения...»

³ Устаревшее название Тайваня.

V

Июнь 1879 г.

Северная Атлантика

– Все наверх, паруса ставить!

Переключка боцманских дудок – точь-в-точь как в роще, населенной спятившими соловьями, – пронеслась по кораблю. Дружный перестук босых пяток – на палубе в теплую погоду матросам велено было снимать тяжелые матросские башмаки, сберегая белизну тщательно выскобленных тиковых досок. Разбежались по местам марсовые. Глядя на них, человек неискушенный и впечатлительный схватился бы за сердце. Это же какой страх: сначала вскарабкаться на верхотуру марсов и салингов по веревочным ступенькам-выбленкам вант, потом встать босыми пятками на перт – трос, натянутый под толстым рангоутным деревом, – и, лежа на нем животом, перебирать ногами, пока не доберешься до нока реи. А молодцам-марсовым привычно: они уже на местах, и по команде боцмана их темные от смолы и табака, твердые, словно можжевеловые корневища, пальцы распускают узлы на бык-горденях⁴. Тяжелые полотнища парусов, освобожденные от пут, падают, разворачиваются и с громким хлопком выгибаются, принимая ветер.

Из трубы едва курится жиденький дымок. Бронзовый, напоминающий цветок с четырьмя лепестками лопастью гребной винт поднят в кормовую шахту – впереди долгий переход, надо использовать любую возможность, чтобы сэкономить уголь. Паруса дружно взяли ветер, и «Витязь», накренившись на левый борт, разогнался на низкой волне. Погода заставляла радостно петь сердца моряков: на небе ни облачка от горизонта до горизонта, вода ртутно сияет под солнцем, и только где-то на страшной высоте мелькает крохотное пятнышко – королевский альбатрос, вечный скиталец морей, которого невесть каким ветром занесло из южных широт в Северную Атлантику.

Аврал продолжался недолго. Матросы вернулись в кубрик добирать недолгие часы сна перед вахтой. Впередсмотрящие и сигнальщики замерли на своих местах, а лейтенант Сергей Ильич Казанков облокотился на ограждение мостика и по-хозяйски огляделся по сторонам. Ветер ровный, судно бежит резво, на палубе полный порядок, боцмана бдят, вахтенный офицер толковый... А не спуститься ли в каюту, уделить время заброшенному с самого Кронштадта дневнику?

Еще на «Москве», после захода в Нагасаки, когда судно отправилось в Портленд для ремонта и переборки машин, Сережа, уступив просьбам Карлуши Грече (а как отказать увечному герою?), дал ему почитать свои записки. Барон проглотил их единым духом, после чего, не слушая возражений смущенного автора, заявил, что будет сущим преступлением перед читающей российской публикой не опубликовать эти труды: «да вот хотя бы и в иллюстрированном журнале “Нива”, они охотно печатают путевые и военные заметки!»

Шутки шутками, а по прибытии в Петербург Сережа действительно отослал изрядно исправленные и переработанные выдержки из своего дневника в редакцию. И был немало удивлен, когда они появились в очередном номере, после чего выходили регулярно, занимая три полных разворота, да еще и с иллюстрациями! Редактор «Нивы» Федор Николаевич Берг убеждал молодого человека ни в коем случае не бросать, как он выразился, «прозаических упражнений» и даже поговаривал об издании его «трудов» отдельной книжкой-приложением.

– Не слушайте, голубчик, того, что твердят гос пода Салтыков-Щедрин и прочие фрондирующие личности из круга «Отечественных записок» о том, что наше издание якобы пота-

⁴ Снасть, с помощью которой нижняя кромка прямого паруса подтягивается к рею.

кает обывательским и буржуазным вкусам! – убеждал Сережу Берг. – А хоть бы и потакаем... Так и что с того? Читатель любит «Ниву», и не даром по числу подписчиков мы уступаем разве что лондонскому «Illustrated London News». Лучшего старта для начинающего литератора не придумать, особенно для того, кто пишет на военные темы, и не с чужих слов, а, подобно графу Толстому, опираясь на собственные впечатления. Тем более вы моряк, а морские походы, сражения, бытовые зарисовки из флотской жизни у читателя теперь в почете. Кому ж, как не вам, о сем писать? Так что дерзайте, друг мой, дерзайте!..

Такие речи, конечно, льстили молодому человеку – пожалуй, не меньше, чем пачки писем от «благодарных читателей», которые аккуратно пересылали ему из редакции. Но хлопоты, связанные с оснасткой и подготовкой «Витязя» к первому выходу в океан, съедали все время новоявленного литератора без остатка. И вот теперь, когда выдалась свободная минутка, почему бы не выполнить обещание, данное Бергу, и не взяться наконец за перо?

Из дневника С. И. Казанкова

«...не могу не отметить, сколь сильно изменилась российская жизнь. Конечно, я смотрю на эти перемены глазами морского офицера, но все же они поистине удивительны! И произошли они за какие-то полтора года, миновавшие с нашей победы в кампании на Балтике. Мне же это тем более очевидно, что я по долгу службы почти все это время отсутствовал в пределах Отечества.

Судите сами. То, на что раньше требовалось полгода, теперь успевают сделать за две недели и еще сетуют на волокиту! Вроде и крапивное семя наше, чиновники от всяких разных департаментов, никуда не делись, а словно бы и их подменили! Работают не за страх, а за совесть, да и мздоимство, как мне говорили люди знающие, не то чтобы вовсе прекратилось, но его стало гораздо меньше. С трудом верится, конечно: Россия есть Россия, здесь спокон веку не переводились охотники запустить руки в казну, а все же наводит на размышления.

Что до господ “революсьонэров”, этих радетелей за благо народное, отрывку господ Герцена и Некрасова, то замечу следующее. Если раньше за ругательные слова о Государе можно было схлопотать по физиономии разве что от лабазных сидельцев с Сенного рынка, то теперь и в университетской аудитории за то же самое могут произвести такое “оскорбление действием”, что останется либо секундантов искать, либо пускать себе пулю в лоб от позорища. Но ни первое, ни второе к господам либералам и народовольцам не относится – жидковат народец, мелковат. Таких хватает только на то, чтобы взрывать бомбами ни в чем не повинных людей, а потом убежать с места злодеяния, как записным прохвостам и трусам. А что вы хотели, судари мои: патриотический подъем после победной войны, иначе и быть не может!

Фабричная и заводская промышленность демонстрирует отчетливый рост – то, чего России так не хватало! В деревнях молодые парни все чаще снимаются и, наплевав на общинный уклад жизни, подаются в город, в фабричные. Там и ремеслу обучат, и жалованье положено твердое. В одном Петербурге три новых механических завода уже достроены, еще два стоят в лесах, и заказы адмиралтейские да Военного министерства для них уже расписаны на пять лет вперед.

Да, темпы строительства, что гражданского, что военного, в особенности в области судостроения, теперь какие-то фантастические. Взять хотя бы наш “Витязь”: где это видано, чтобы корабль второго ранга (три с половиной тысячи тонн водоизмещения – это вам не кот чихнул!), построенный по передовому проекту, со стальным корпусом и новомодным британским изобретением, называемым карапасная, сиречь выпуклая, броневая палуба, достраивался и снаряжался к заморскому походу за месяц после спуска на воду! Однако ж так оно и есть, и палуба “Витязя”, которая содрогается под моими ногами – мы идем в полный бакштаг, вздев фок,

грот, все марсели и косые паруса, так что и на такой скорости удары набегающих волн в скулу весьма даже чувствительны, – наилучшее тому подтверждение.

Однако ж потери в минувших кампаниях, что в балтийской, что в океанской, весьма велики. Перед российскими судостроителями стоит задача: заново создать как Черноморский, так и новый, Средиземноморский, флоты. Наши собственные верфи и механические заводы не справляются, впору заказывать новые суда и корабли во враждебной Англии! Но это, конечно, невозможно: британские верфи загружены, Королевский флот спешно восстанавливает былую численность, и приходится размещать заказы в Германии, Франции и даже у заокеанских судостроителей. К одному из таких и лежит сейчас мой путь, определенный казенным предписанием, полученным из Морского министерства...»

Выкроить время для дневника так и не удалось. Не успел Сережа заполнить своим мелким бисерным почерком даже одну страницу (он всегда тщательно обдумывал фразы, прежде чем перенести их на бумагу, оттого помарок с исправлениями было немного), как над головой застучали матросские пятки и засвиристели в свои дудки боцмана.

Сережа поспешно запер тетрадку в ящик стола – не хватало еще, чтобы вестовой увидел его «прозаические упражнения»! В глубине души он осознавал, что, углубившись в материи, слабо ему известные и не до конца понятные (что мог знать о России морской офицер, не выезжающий из заморских походов и военных кампаний?), он склонен идеализировать перемены, происходящие в империи. К тому же пережитая личная трагедия, гибель невесты от бомбы террористов, не могла не наложить отпечаток на все суждения, сделав его чересчур пристрастным, – а допустимо ли это для литератора, который должен, если верить многочисленным критикам, предлагать читателю непредвзятый взгляд на события?

Нет уж, подумал он, взбегая вверх по узкому трапу, лучше писать о том, что он видел собственными глазами и знает доподлинно: о войне, кораблях, морской службе, о картинах быта и обыденной жизни моряков, столь любезных читателям «Нивы». Вот, к примеру: почему бы не описать в очередной главе дневника аврал, из-за которого надувают сейчас щеки усачи-боцмана, высвистывая команду «все наверх, рифы брать!»?

Погода меж тем портилась. С норда напозлали лохматые облака, несущие дождевые шквалы, и командир корвета, изучив в трубу горизонт, распорядился оставить на мачтах одни марселя, взятые в два рифа. И верно, ветер вскоре усилился до шести баллов. Он заунывно свистел в снастях стоячего такелажа, срывал пенные гребни с валов, высотой достигавших уже верных шести футов. Еще не шторм, но уже очень свежий ветер. Такой, дай ему только шанс, с легкостью ломает брам-стенги, сносит не убранные вовремя лисель-спирты, превращая судно в беспомощную игрушку разыгравшейся стихии.

Но, к счастью, на «Витязе» все было сделано вовремя, и корвет, подгоняемый крепчающим норд-остом, резал волны, да так, что пенные брызги взлетали до самых марсов, валы то и дело захлестывали бак, прокатываясь по шкафуту, разбивались о ходовой мостик, который на корвете вынесен перед дымовой трубой и кожухами вентиляторов. Сережа порадовался, что «духам» в кочегарках не нужно сейчас усердствовать, а держать пар на «стояночной» марке, не давая остыть котлам, иначе дым из трубы с каждым порывом ветра накрывал бы мостик черной пеленой, от которой скрипит в зубах и на белоснежных манжетах и остроконечных воротничках-«лиселях» остаются жирные угольные пятна.

К шестой склянке командир предложил спуститься в кают-компанию. Вахтенный мичман проводил их завистливым взглядом – ему-то предстояло торчать на мостике еще полтора часа. У Сережи зуб на зуб не попадал: клеенчатый непромокаемый плащ он неосмотрительно оставил в каюте, из-за чего промок во время аврала насквозь, и чашка «адмирального» чая сейчас была самое то.

После пары глотков крепчайшего напитка, щедро разбавленного черным ромом, молодой человек немного отошел и даже нашел в себе силы поддерживать беседу. Командир корвета сидел напротив и делал маленькие, аккуратные глотки из фарфоровой, с золотым силуэтом «Витязя» чашки – сервиз этот преподнесло кают-компания перед выходом в море общество офицерских жен.

– Жаль мне отпускать вас, Сергей Ильич. Двух месяцев не прослужили, только-только освоились – и вас уже забирают!

– Благодарите господина Повалишина, – вздохнул Сережа, доливая опорожненную на четверть чашку ромом. – Это он постарался. А мое дело маленькое: получил приказ – и отправляйся в Северо-Американские Соединенные Штаты, принимать надзор за строительством нового монитора. Я ведь, как вам известно, и на кораблях этого класса послужил в балтийскую кампанию, и с американцами имел дело, когда наша «Москва» заходила в Портленд для докования. Вот и сочли, что для меня такое задание подойдет в самый раз.

– Ну, решили, значит, решили, – согласился собеседник. – Начальству, знамо дело, виднее.

Сережа кивнул, отхлебывая «адмиральский» чаек. Капитан второго ранга Григорий Павлович Чухнин слыл среди офицеров «Витязя» фаталистом: после того как пушки адмирала де Хорси в щепки раскололи корвет, которым он командовал, Чухнин вернулся в Россию и вместе с орденом Святого Владимира с мечами получил новый корвет, носящий то же название, что и погибший у берегов Южной Америки.

– На Балтике-то вы изрядно погеройствовали, – продолжал командир. – Да и потом, на «Москве», тоже отличились. Егория-то, батенька, просто так, за понюх табаку, не дают...

Сережа чуть заметно порозовел – он так и не научился скрывать смущение, когда речь заходила о его собственных заслугах. О других – сколько угодно: он с удовольствием рассказывал об одиссее Карлуши Гreve на «Крейсере», о самопожертвовании моряков «Чародейки» и «Адмирала Грейга», ушедших на дно со своими кораблями при Свеаборге. Но чтобы о себе? Нет уж, увольте, тем более что и Чухнину есть о чем порассказать. Вступить на краю света в бой с двумя неприятельскими кораблями, каждый из которых был сильнее его корвета, а один, «Трайумф», еще и нес броню, и при этом суметь спасти от гибели и плена почти всю команду – это ли не настоящий подвиг?

А командир его мучений, похоже, не замечал. Или делал вид, что не замечает, и продолжал беседу.

– Значит, новый монитор американской постройки будет мореходным? Это для того, чтобы своим ходом перейти через Атлантику?

– Скорее уж через Тихий океан, – ответил Сережа, обрадованный тем, что Чухнин сменил тему. – На западном побережье Северо-Американских Соединенных Штатов для нас строятся два монитора – один в Портленде, а другой на юге, в городке Вальехо, это вблизи Сан-Франциско. Оба предназначены для защиты Владивостока, туда им и предстоит направиться после ходовых испытаний.

– Тихий океан, говорите? – Кавторанг недоверчиво покачал головой. – Что-то слабовато верится. Как вспомню наши балтийские броненосные лодки... Куда им соваться в открытый океан! Они-то и по Финскому заливу с бережением ходят...

Сережа насупился: ему стало обидно за свои любимые мониторы. Хотя Чухнин прав, и остается надеяться, что «американцы» в самом деле будут избавлены от подобных недостатков.

– Если вы помните, Григорий Палыч, американский двухбашенный монитор «Миантономо» еще до войны пересек Атлантику и заходил с визитом в Кронштадт. А эти, новые, думаю, помореходнее.

– Ну, дай бог, дай бог... – покивал Чухнин. – А сейчас давайте-ка, батенька, допивайте чаек, переоденьтесь в сухое и ступайте наверх. Как там наш мичманец справляется? Ветер что-то разыгрался, не вышло бы чего...

VI

Июнь 1879 г.

Франция. Париж

В июле Париж великолепен, особенно после того, как барон Осман по указанию Наполеона III обустроил для прогулок парижан Булонский лес и парки Монсури и Бют-Шомон. А главное, безжалостно перекроил средневековые улочки и кварталы, прорезав их широкими бульварами-осями, открывающими восхитительные перспективы на городские достопримечательности. И, что бы ни твердили злопыхатели касательно того, что сделано это отнюдь не для удобства фланирующей публики, а чтобы удобнее было карточными залпами разгонять очередную «революцию», все равно чудо как хорошо стало в этом городе, подлинном сердце Европы!

– Опять я толком не увижу Париж! – жаловался Грече, шагая рядом с Остелецким.

Оба были в партикулярном платье, а барон, кроме того, вертел в пальцах изящную, с серебряным набалдашником тросточку. Другую руку, согнутую в локте, он прижимал к боку, и только внимательный наблюдатель разглядел бы, что пальцы в черной кожаной перчатке не шевелятся.

– Перед свадьбой мы на два дня заехали сюда с Камиллой, так целыми днями только и делали, что мотались по модным магазинам! Как будто нельзя было по почтовому каталогу выбрать и заказать...

– Не понимаешь ты женского сердца, Карлуша, – усмехнулся Остелецкий. – Для любой уважающей себя дамы посещение модистки или, не дай бог, шляпной лавки сродни священнодействию, никакими каталогами его не заменить.

– Все равно досадно! Думал провести здесь хотя бы недельку, а тут – давай-давай, гони гусей! Повременить, что ли, нельзя?

– Нельзя, дружище! Никак нельзя, уж не обессудь. Времени у нас всего ничего: не позже чем через три дня нам надо быть в море.

– Нам? – Барон подозрительно сощурился. – У меня вообще-то медовый месяц...

– Постараемся вас не стеснять. «Луиза-Мария», если верить описанию в регистре Ллойда, достаточно крупное судно. Прикажешь оборудовать для моих людей помещение в кубрике, ну и мне какую-нибудь каютку выделишь. Мешать вам не будем, слово чести. Ну разве что сам захочешь побеседовать...

Побеседовать им было о чем. Старые приятели встретились, как и было условлено, в ресторане отеля «Le Meurice» и после недолгого обеда отправились прогуляться по бульварам.

– У стен есть уши, – наставительно говорил Остелецкий, – а в отеле – в особенности. Дела наши секретные, так что давай-ка побеседуем на свежем воздухе. Так спокойнее.

Их в самом деле никто не беспокоил, хотя на бульваре Сен-Жермен было довольно оживленно. По брусчатке тархтят железные шины экипажей и цокают лошадиные подковы, с лотков на высоких тонких колесах торгуют жареными каштанами, сладостями и имбирным лимонадом. Остроглазые девицы в крахмальных наколках, с корзинами свежесрезанных фиалок и тюльпанов предлагают душистый товар фланирующим парочкам. Деловито беседуют на ходу мужчины в кепи и котелках, а одинокие зеваки высматривают свободную скамейку, чтобы устроиться на ней с газетой. Никто ни на кого не обращает внимания, и только вездесущие гамены шныряют в опасной близости от карманов прогуливающейся публики.

– Вы бы поостереглись, Гречочка. – Остелецкий цыкнул на особо шустрого оборванца в драном солдатском кепи и рабочей блузе до колен, пристроившегося было за спиной у барона. – Вмиг без портмоне останетесь!

Греве покосился на сорванца, нахмурился и угрожающе поднял трость. Мальчуган отскочил, сделал непристойный жест и выкрикнул что-то непонятное, но наверняка обидное. Барон ответил юному прохвосту оборотом из малого шлюпочного загиба.

– Да оставьте вы его, барон... – Остелецкий схватил Греве за рукав, не давая тому перейти от слов к действию. – Эти оборванцы тоже своего рода парижская достопримечательность. Сочинения Виктоара Гюго помните? Не исключено, что вы сейчас едва не вытянули по плечам какого-нибудь Гавроша. И не забывайте: мы с вами не в Охотном ряду. Если так уж хочется обложить кого-то по матушке, используйте тевтонскую речь, она в плане сквернословия весьма богата и занимательна.

Говорили они по-немецки, которым оба владели в совершенстве.

Греве проводил юного парижанина недовольным взглядом, пожал плечами и двинулся вслед за приятелем. Тот прав, конечно: имея в кармане шведский паспорт, по которому он и приехал во Францию, Остелецкий не желал рисковать тем, что в них опознают подданных Российской империи, благо соотечественников в Париже хватало во всякое время года.

– Кстати, как ты прибыл сюда? – поинтересовался Греве, когда бульвар Сен-Жермен остался позади.

– А по чугунке, дружище, сиречь по железной дороге. Из Петербурга до Варшавы, потом – до станции Вержболово. Там вагоны переставили на узкую колею – и привет, Прусская Восточная железная дорога! Лучше расскажи, как сумел уговорить на эдакую авантюру супругу?

– Да уж пришлось постараться. Спасибо, попалась в журнале статейка одного французского ученого насчет сокровищ местных индейских царьков. Инками их называли, кажется. Камилла как услышала, сразу загорелась. Сейчас строит планы экспедиции в отроги Анд и даже выписала из Швейцарии какие-то особые башмаки для горных восходителей.

Остелецкий ухмыльнулся.

– Смотри, Карлуша, как бы и правда не пришлось в горы лезть! Там, как я прочитал, сплошь лед, снег да королевские кондоры.

– А, вздор... – легкомысленно отмахнулся барон. – Прибудем в Чили, придумаю что-нибудь убедительное. А пока давай-ка поищем, где бы поужинать? У меня, признаться, кишки сводит.

– Может, в «Фоли-Бержер»? – предложил Остелецкий. – Тамошняя кухня вполне даже комильфо, и барышни танцуют весьма пикантные...

– Ты, видать, погибели моей хочешь? – Греве сделал испуганные глаза. – Если баронесса узнает, что я посещаю подобные заведения, да еще и без нее, со свету меня сживет. Нет уж, поехали назад в отель, там и поужинаем. Заодно представлю тебя супруге. Раз уж нам предстоит провести целый месяц на одном пароходе, лучше познакомиться заранее.

– Так она с тобой, в Париже? – удивился Остелецкий.

– А ты чего хотел, братец? У нас медовый месяц, иначе никак. – И махнул тростью, подзывая фиакр.

Париж. Набережная Сены

Несколькими часами позже

– ...а потом пришла жена того, длинного. Они перед ней расшаркались, велели подать еще бутылку вина и посидели полчасика. Потом парочка поднялась наверх, в номер, а второй вышел из отеля, взял фиакр и велел ехать к «Фоли-Бержер». Я за ним прицепился и видел, как он вошел в двери. Наверное, до сих пор там сидит. В этом заведении самая увлекательная программа начинается после полуночи, раньше оттуда никто не уходит, и уж тем более одинокий мужчина.

Они беседовали на набережной Турнель, возле парапета, массивной чугунной цепи, протянутой на чугунных столбиках. За парапетом несла мутные воды Сена, а вдоль тротуара тяну-

лись знаменитые на весь Париж развалы букинистов. Там толпились студенты, чисто одетые мальчики в сопровождении гувернеров рассматривали тома приключений мсье Жюль Верна и тонкие сборники детективных повестей.

Юный собеседник Бертон (это был, конечно, он, но только без своей известной всем газетчикам Лондона бороды) презрительно посмотрел на них и пустил сквозь зубы длинный плевок – знак высшего презрения парижских гаменов.

– А тебе-то почему знать? – с усмешкой осведомился англичанин. – Или скажешь, что и сам бывал внутри?

– А то как же, мсье! – ухмыльнулся сорванец. – Мой родственник по матери моет там посуду, он и провел. Я спрятался за сценой, в какой-то кладовке, и все видел, даже как девчонки перед выходом чулки подтягивают! Точно говорю, там он сидит!

– Ладно, держи, заработал. – Англичанин протянул мальчишке горсть мелких монет. – В каком, говоришь, номере он остановился?

– В шестьдесят пятом, на третьем этаже. Так себе номер, не для Ротшильда. Кстати, другой, который с мамзелью, он однорукий.

Бертон нахмурился.

– Уверен?

– А то как же, мсье! Левой кисти нет. Он руку держит так, осторожно, и пальцы не шевелятся. Неживая у него рука, чтоб моя башка досталась Дрейблеру!⁵

– Хорошо, буду иметь в виду. Так, значит, они оба немцы?

– Говорили они точно как пруссаки, будто собаки гавкали. Что я, их собачьего языка не узнаю? Но сами не немцы, это уж наверняка. Я, мсье, попросил мальчишку-чистильщика при отеле справиться у портье, откуда они. Оказалось, один приехал из Бельгии, а второй вообще из какой-то Швеции. Это где такая страна, мсье?

– На самом севере Европы, далеко отсюда, – ответил Бертон, пряча портмоне.

Гамен проводил его жадным взглядом.

– Хорошо бы прибавить, мсье... Целый день носился за вашей парочкой, все ноги сбил. Опять же, чистильщику пять су пришлось дать, задаром он и пальцем не шевельнул бы!

Англичанин подумал, затем хмыкнул и одобрительно кивнул.

– А что, и прибавлю, если прямо сейчас найдешь мне ловкого молодца, который сможет справиться с гостиничным сейфом.

– Запросто, мсье! – Физиономия агента расплылась в щербатой улыбке. – Есть у меня знакомец, он в два счета все обтяпает. Он уже работал в этом отеле, тамошние замки знает как родные. Если желаете, сбегает, приведу. Только надо будет сунуть франков пять коридорному, Жилу. Этот мошенник проведет вас наверх так, что никто не заметит, и потом обратно выведет!

Теперь мальчишка не сомневался, что наниматель – крупный преступник, охотящийся за солидной добычей. Или даже сыскной агент, вылавливающий прусских шпионов? Недаром о них столько пишут авторы детективных книжонок, которыми полны книжные развалы...

– Веди своего знакомого, получишь три франка. И приходи завтра утром на это место, будет еще задание.

– Непременно, мсье! – Гамен довольно подмигнул англичанину. – Чего не сделаешь, чтобы угодить солидному клиенту? – И припустил по набережной, сжимая в кулаке честно заработанные медяки.

Бертон долго смотрел ему вслед, потом огляделся, выбрал скамейку и уселся, развернув газету. Пока дела складывались удачно: агенты русской военно-морской разведки обнаружены, взяты под наблюдение, и, если повезет, сегодня вечером он не торопясь покопается в бумагах

⁵ Дрейблеры, отец и сын – главные парижские палачи, гильотинировавшие преступников в конце XIX – начале XX веков.

того, что прибыл из Санкт-Петербурга. А там можно будет подумать о том, как добраться до второго.

Париж. Отель «Le Meurice»

Вечер того же дня

– Не рискованно ли, мон шер ами, сейчас, когда между Чили, Боливией и Перу идет война, делать такие серьезные вложения? Ты хоть знаешь, что они там не поделили?

Баронесса была в легкой шали поверх пеньюара, того самого, прозрачного до неприличия, почти не скрывающего соблазнительных форм. Очень хотелось схватить ее в охапку и уволочь в спальню, бесцеремонно, даже грубо – как она любит. Но нет, нельзя. Разговор назрел, а если он уступит желанию, то им обоим будет не до рассуждений как минимум до утра.

Хотя это еще бабушка надвое сказала. Не раз Камилла, едва отдышавшись после очередного тура постельных забав, поправляла тонкий шелк, прикрывающий грудь с темными, словно перезрелые вишни, сосками, и принималась рассуждать о коммерции, а то и политике – сухо, деловито, будто не стонала, не рычала только что тигрицей, впиваясь ногтями ему в спину, будто не изгибалась в порыве страсти, разметаив волосы по подушкам...

– Не поделили они, ты не поверишь, дорогая, обыкновенный птичий помет, – ответил Греве, старательно отводя глаза. – Вернее, его залежи, которые копились там в течение десятков тысяч лет. Местные называют его гуано, и оно, как оказалось, не только ценнейшее удобрение, но еще и сырье для производства натриевой селитры, а это уже серьезно, это взрывчатые вещества и порох.

– Порох? – Баронесса удивленно подняла брови. – Из птичьего де... хм... фекалий? Воистину, Господь любит пошутить!

– Так и есть, любимая. Так вот, основные залежи этого, с позволения сказать, добра находятся на территории Боливии, в пустынной, почти необитаемой местности близ границы с Чили. Сами боливийцы то ли слишком ленивы, то ли слишком нерасторопны, чтобы развернуть добычу, а потому занимаются этим чилийские дельцы, а соседи лишь получают навар с гуанового экспорта.

– А при чем тут англичане?

– Они всегда при чем. Британия вложила серьезные капиталы в чилийские предприятия, а когда боливийцы, опираясь на поддержку северного соседа, решили переделить источники гуановых доходов и резко повысили налоги на добычу и вывоз известной субстанции, Лондон спровоцировал войну, рассчитывая при любом ее результате остаться в выигрыше.

– А Чили, кроме того, контролирует и Магелланов пролив... – медленно произнесла баронесса. – Кажется, я начинаю понимать.

Барон расплылся в довольной улыбке. Сам он не сильно-то разбирался в политике, тем более творящейся на краю света, но Остелецкий давеча все подробно ему растолковал, и вот пришла пора блеснуть эрудицией перед супругой.

– Ну, ты же сама говорила, что сейчас пойдет драка за передел морских путей. Недаром французы копошатся на Мадагаскаре, турки спешно укрепляются в Адене...

– ...а подданные кайзера присматриваются к острову Занзибар, – усмехнулась женщина. – Если, конечно, твои соотечественники им это позволят. Газеты пишут, что султан души не чает в русских. Я все понимаю, мон шер, но, может, стоит все же повременить? Я не собираюсь тебя учить, в конце концов, коммерция, особенно такая, дело мужское, но это, в конце концов, и мои деньги тоже!

Барон насупился. Дражайшая супруга в своем репертуаре: погладит мягкой бархатной лапкой, но и о втянутых до времени в подушечки острых коготках как бы невзначай напомним...

– Поверь, сейчас самое время. К тому времени, когда ситуация определится, все самые вкусные куски будут уже поделены теми, кто не побоялся вовремя поставить последний рубль ребром.

– Прости, что?

– Это такое русское присловье. Смысл в том, чтобы правильно выбрать время для рискованных ставок.

– А ты уверен, что сможешь выбрать правильно?

– Умные люди посоветовали. Сказали, что есть пароходная компания, британская. Она и вдоль западного побережья латинской Америки суда гоняет, и на линии через Магелланов пролив, в Аргентину и дальше, до самой Британской Гвианы. Из-за войны компания едва концы с концами сводит, тут ты, дорогая, права, но вскорости процветет небывало. И самое время сейчас войти в долю с ее владельцами, пока кто другой не додумался.

О том, что упомянутые умные люди служат под шпиром и носят погоны офицеров Российского императорского флота, он решил пока промолчать. Успеется.

– А название у этой компании есть? – осведомилась Камилла.

Она как бы невзначай подобрала край пеньюара и принялась поправлять подвязку. Барон представил, как закинет эти ножки в шелковых паутинках себе на плечи, как делали это японские самураи с гейшами на непристойных акварельных рисунках, которые он приобрел во время стоянки в японском Сасебо. Как нависнет над разгоряченным, изнемогающим от желания телом, как...

Женщина, поймав его взгляд, улыбнулась и подпернула край пеньюара еще выше.

– «Пасифик Стим Навигейшн Компани», дорогая. – Барон нашел в себе силы отвернуться. – Я имел предварительную беседу с их агентом в Брюсселе, так они предлагают купить тридцать пять процентов акций, плюс перевести два наших парохода с Ост-Индских линий на их маршруты под гарантии контрактов чилийской армии. Я пока думаю.

– Вот и думай. – Камилла наконец справилась с подвязкой и выпрямилась. – Кстати, у меня есть для тебя небольшой подарок.

Она подошла к шкапу, открыла дверку и вытащила коробку.

– Открывай, мон шер! Ой, извини, тебе трудно, наверное. Сейчас я помогу...

Греве поморщился – он не любил, когда Камилла напоминала о его увечье. Перехватил увесистую коробку, поставил на стол и, привычно действуя одной рукой, распустил бечевку. Крышка полетела на пол, следом – смятая упаковочная бумага. Увидев, что было скрыто под ней, барон помрачнел еще больше.

Баронесса положила руку на плечо мужу.

– Я помню, любовь моя, что ты не любишь об этом вспоминать, но поверь, тут случай особый. Вот смотри...

И достала из коробки обтянутый кожей протез левой руки. Нажала на неприметный рычажок на запястье, и половина кисти со звоном откинулась вниз. Глаза у барона полезли на лоб: из оставшейся половины смотрели четыре ствола, на глаз калибра примерно четыре линии.

– Работа известного льежского мастера, – улыбнулась Камилла. – Он прославился образцами потайного оружия: портсигары, трости, даже перстни с пистолетами.

Она перевернула протез и продемонстрировала изогнутый рычажок, появившийся из узкой щели.

– Это спуск. Можно стрелять по одному, а можно нажать посильнее, и тогда получится залп. Правда, мастер не рекомендовал так делать, говорит, отдача сразу четырех стволов будет весьма болезненна. А эти ремни – чтобы крепить к руке...

– К культе, – жестко оборвал барон. – К культе, дорогая. Давай называть вещи своими именами.

Физиономия его оживилась. Видно было, что подарок его заинтересовал.

– Как тебе будет угодно. – Камилла ласково провела рукой по щеке мужа. При этом шаль соскользнула на пол, являя взору все, что было скрыто. – Но, может, ты разберешься со своей новой игрушкой попозже? Скажем, завтра утром? А сейчас... – Она взглянула прямо и вызывающе провела языком по полным губам, отчего Гreve разом забыл и о протезах, и парходных компаниях, и вообще обо всем на свете. – Сейчас не хочешь ли продемонстрировать мне, как ты владеешь своей правой рукой – и не только ею? – И настойчиво, не слушая сумбурных возражений барона, потянула его к двери спальни.

VII

Июль 1879 г.

Где-то у берегов Южной Америки

– Торговая посудина, сеньор адмирал. «Императрица Бразилии», полторы тысячи регистровых тонн, согласно регистру Ллойда. Идет под британским флагом, но, готов поставить сотню серебряных солей⁶ против гнилого батата, груз предназначен для чилийской армии.

Мигель Грау опустил подзорную трубу. Вахтенный офицер прав: низкий вытянутый силуэт, единственная труба, лениво дымящая угольной копотью, две сильно разнесенные мачты выдавали в добыче один из пароходов «Пасифик Стим». Эта компания была хорошо известна адмиралу: ее суда, совершавшие в мирное время рейсы вдоль тихоокеанского побережья континента, теперь сплошь зафрахтованы чилийским военным ведомством. Тянувшаяся уже полгода война носила своеобразный характер: спорные территории с залежами селитры, из-за которых и начался сыр-бор, располагаются в мертвой, безводной пустыне Атакама, и единственным способом для обеих сторон доставлять снабжение и материалы войскам оставалось море.

«Уаскар» вышел из порта Кальяо шестого июля с целью прощупать на прочность блокаду порта Икике, установленную чилийским флотом. Но военных кораблей неприятеля перуанцы не обнаружили. Зато, покинув порт, почти сразу наткнулись на этого вот англичанина.

– Угольщик, надо полагать, – буркнул контр-адмирал, складывая длинную подзорную трубу. – Поднимите сигнал: «Предлагаем команде покинуть судно. После этого оно будет потоплено».

Старшина-сигнальщик вытащил из деревянных лотков туго свернутые сигнальные флажки и прицепил их к фалам. Пестрая лента толчками поползла вверх, к стенке монитора. Вахтенный офицер не отрывал линз бинокля от торгаша. Не прошло и пяти минут, как там заплескались флажки ответного сигнала: «Следуем под британским флагом, ваше распоряжение исполнять отказываемся».

– Каков наглец! – с удовольствием произнес Грау. – Дайте предупредительный выстрел по курсу, глядишь, и одумаются... – И покосился на молодого человека в штатском, устроившегося на крыле мостика рядом с сигнальщиком.

Репортер столичной газеты, взятый на борт во время захода в порт Арика для угольной погрузки. Адмирал на дух не переносил газетчиков, и если бы не письмо президента республики, которое тот предъявил, поднявшись на борт, черта с два он потерпел бы его на своем корабле! Как его там зовут – Антонио Кукалон? Грау едва удержался от того, чтобы сплунуть за борт – репортер раздражал его несказанно. В особенности бесил его белый пробковый шлем, вроде тех, какие носили офицеры британских колониальных войск. Адмирал даже подумывал приказать стащить с головы шелкопера его дурацкий головной убор и выбросить за борт. Шлем, разумеется, не его владельца. От этого вполне простительного душевного порыва адмирала удерживало все то же письмо президента.

А на «Императрице Бразилии» никто и не собирался одумываться. Приближалась ночь, и «Уаскару» пришлось долго маневрировать, отрезая жертву от берега, угрожать ударом тарана, давать предупредительные выстрелы из погонной пушчонки, пока упрямый английский шкипер не сбросил наконец ход, и угольщик закачался на крупной океанской зыби.

⁶ Соль – перуанская денежная единица. Один соль равнялся пяти франкам, пять солей равнялись британскому соверену.

Контр-адмирал уже приказал высылать шлюпку с призовой партией, когда на горизонте появился дым, и сигнальщик отрапортовал, что видит мачты военного корабля. Через четверть часа силуэт пришельца уже ясно рисовался на западной, еще светлой стороне горизонта.

– Корвет «Магальянес», – вынес вердикт Грау. – Девятьсот пятьдесят тонн, два орудия на поворотных платформах, сто пятнадцать и шестьдесят четыре фунта. Ход – одиннадцать узлов против наших десяти. Возвращайте шлюпку, сейчас начнется веселье...

Ночь в южном полушарии наступает вдруг, как по щелчку. Только что половина горизонта золотилась в последних лучах солнца – и вот уже небо залито лиловой чернотой, выпали крупные звезды, а путеводный Южный Крест сияет алмазной диадемой... Но сейчас эта красота не радовала адмиральское сердце: ночной бой вообще тяжелое занятие, а уж для «Уаскара» с его крайне неторопливой (и это еще мягко сказано) артиллерией, так и в особенности.

«Магальянес», пользуясь незначительным преимуществом в скорости, раз за разом уворачивался от таранного удара, осыпая врага снарядами. В цель, правда, угодил только один, в броневой пояс, не нанеся сколько-нибудь заметных повреждений: несколько вылетевших заклепок да легкая течь, открывшаяся в угольных ямах, не в счет.

Но долго это продолжаться не могло. Перуанцы, умело маневрируя, исхитрились подловить неприятеля на крутой циркуляции. Грозный шпирон «Уаскара» прошел в десятке футов от борта корвета, но то ли удача, то ли мастерство рулевых спасли чилийцев и на этот раз. А малое время спустя к месту боя подошел, отчаянно дымя обеими трубами, казематный броненосец «Бланко Энкалада», один из двух, имевшихся в чилийском флоте, и Мигель Грау командовал отходить на норд-вест, куда двумя часами позже ушел захваченный угольщик.

К третьей склянке с мостика приказали сбавить обороты на четверть от полных – машины «Уаскара» давно нуждались в ремонте, и Грау не желал рисковать. Он даже пожалел, что после модернизации монитор остался без парусной оснастки – попутный ветер мог прибавить узла полтора к его ходу. Но чего нет, того нет, оставалось только ожидать развития событий, стоя на мостике, и обсуждать с вахтенным офицером давешний бой.

– К сожалению, наши орудия хоть и способны произвести впечатление своими размерами и весом снарядов, но мало приспособлены к морскому бою, – рассуждал адмирал. – Для бомбардировки берега они еще сгодятся, а вот для стрельбы по маневрирующему неприятельскому судну – извините! В этом мы убедились еще во время стычки с «Шахом» и «Аметистом», когда за три часа боя две наши пушки сделали всего семь выстрелов – по одному в сорок минут! Вот и сейчас: мы разбрасываем дорогушие конические бомбы впустую, тогда как один-единственный удар тараном способен принести решительный успех! Взять, к примеру, кампанию на русской Балтике или сражение при Александрии между турецкой и британской эскадрами. Там тараны сыграли чуть ли не основную роль, отправив на дно не один боевой корабль!

– Да, остается только сокрушаться, что у нас нет специального судна-тарана, бронированного, низкобортного, несущего кроме орудий самодвижущиеся мины, – поспешил согласиться с начальством вахтенный офицер. – Ведущие морские державы, Франция и Англия, уже строят такие. Нашим умникам из правительства не худо бы задуматься о приобретении подобного корабля. Например, заказать у нортамериканос. Чем плохо? И через океан не надо тащить. Вспомните, как вы в свое время намучились с «Уаскаром»... Одна только потеря лопасти винта во время шторма в Центральной Атлантике чего стоит!

– Я слышал, янки строят на Западном побережье мониторы для обороны прибрежных городов, – подал голос Кукалон, внимательно прислушивавшийся к беседе. – Наверняка их тоже оснастят таранами – передовая в плане техники нация, иначе невозможно. Вот бы подать мысль сеньору президенту выкупить один из них. Сейчас, после потери «Эсмеральды», он нам очень пригодился бы, а то два других наших монитора, «Манко Капак» и «Атауальпа», годятся разве что для защиты акваторий портов – в океан им лучше не соваться.

Адмирал в раздражении вскинул голову и обратил на репортера взор, полный гнева. Смешанного, впрочем, с удивлением – словно чугунный палубный кнехт вдруг заговорил, и мало того, сказал нечто, заслуживающее внимания.

Щелкопер, в самом деле, прав. Конечно, им пока везет, но ведь нельзя же в одиночку противостоять всему чилийскому флоту? После того как «Эсмеральду» сожгла ее собственная команда, «Уаскар» остался единственной броненосной единицей перуанского флота, способной всерьез противостоять чилийским «Адмиранте Кохрейну» и «Бланко Энкалада», и это не считая выводка корветов и канонерок вроде давешнего «Магальянеса».

Конечно, казна республики пуста, но, может, президент Луис Ла Пуэрта сумеет раздобыть деньги? Скажем, взять займ. Британцы не дадут, они поддерживают чилийцев, но что если обратиться к их заклятым врагам, нортамериканос? Или к французам – те в последнее время активно лезут в латиноамериканские дела. Адмирал согласился бы даже принять помощь от Испании. В конце концов, испанцы далеко, а чилийский флот – вот он, под боком. Другое дело, что правительство Альфонсо XII испытывает сейчас серьезные трудности и вряд ли захочет разбрасываться средствами для помощи своим бывшим колониям.

Уйти от погони не удалось. На следующий день, когда солнце уже стояло высоко над горизонтом, «Бланка Эскалада» и «Магальянес» нагнали наконец «Уаскар». Монитор давно сидел костью в горле у чилийского флота, и теперь командор Гальварино Риверос Карденас, командующий эскадрой, намеревался навсегда с ним покончить. Но на этот раз военное счастье приняло сторону перуанцев: машины корвета, измученные ночной погоней, стали сдавать, и он постепенно отставал от флагмана. «Бланка Энкалада» уверенно держал дистанцию в двенадцать кабельтовых, но, чтобы дать залп из погонных казематных орудий, броненосцу приходилось слегка доворачивать то вправо, то влево, сбивая и без того неверный прицел. С «Уаскара» ему отвечала единственная ретирадная сорокафунтовка, тоже без видимого результата.

На этом, собственно, все и закончилось. Чилийские снаряды ложились с большим разбросом, и через час такой канонады раздосадованный Карденас приказал задробрить стрельбу и сбавить ход. Приходилось признать, что проклятый «Уаскар» снова сумел вырваться из челюстей чилийского флота в тот самый момент, когда те готовы были сомкнуться и сокрушить неприятеля.

Однако вовсе без потерь не обошлось. В разгар канонады неутомимый Кукалон покинул мостик и направился на ют. Пушечный дым, пальба, вид фонтанов, поднятых снарядами, бесильно падающими в отдалении от монитора, привели его в сущее неистовство. Как рассказывал позже в кубрике «Уаскара» артиллерийский унтер-офицер Хорхе Адоньес, ставший свидетелем этой сцены, «щелкоперишка скакал, размахивал руками, словно бразильская обезьяна, делал непристойные жесты и все время выкрикивал оскорбления в адрес преследователей». За что и поплатился: когда Грау, желая затруднить прицеливание чилийским комендорам, скомандовал правый координат, «Уаскар» резко накренился на полном ходу, и незадачливый репортер вылетел за борт, словно пробка из бутылки шампанского. Адоньес успел сорвать с лееров спасательный круг и швырнуть бедняге вслед, но круг затянуло под винт, и унтер успел разглядеть лишь мелькающую в пенной кильватерной струе голову в белом тропическом шлеме.

Когда Мигелю Грау доложили об этом происшествии, он лишь злорадно ухмыльнулся.

– Ничего, выплывет как-нибудь на своем дурацком колпаке. Он ведь, кажется, из пробки, как и спасательные пояса?

Адмирал как в воду глядел. Репортер (вернее, память о нем, поскольку самого Антонио более никто не видел) действительно «выплыл» именно благодаря своему примечательному головному убору. С тех пор по всей Южной Америке колониальные шлемы тропического образца, носимые гражданскими лицами, стали называть кукалонами. Кроме того, фамилия

несчастливого журналиста сделалась своего рода нарицательной для обозначения надоедливых штатских, лезущих без необходимости в дела военных. Что ж, не самая скудная эпитафия... Многие и того не удостоились...

Сутки спустя «Уаскар» бросил якорь на рейде Кальяо, а еще через три дня личный посланник президента Луиса Ла Пуэрты отбыл на французском пакетботе на север. При себе он имел письма к администрации Северо-Американских Соединенных Штатов и французскому консулу в Сан-Франциско касательно предоставления военного займа Республике Перу. Идея безвременно почившего Антонио Кукалона начинала обретать реальные очертания.

VIII

Июль 1879 г.

Северная Атлантика. 28° с. ш.

– Вот убей, не пойму, что нашему богоспасаемому Отечеству понадобилось в этом, простите мой французский, афедроне мира?! Всего ничего спуститься к югу – и можно заглянуть вниз с земного диска и полюбоваться хоботами тех самых слонов!

В детстве, помнится, как прочитал книжку с индийскими легендами, где о сем говорится, так мечтал свесить с края земного диска веревку и спуститься к слонам. Все меня занимало: что же они там едят? Судно находилось в море уже вторую неделю. Выйдя из Остенде, «Луиза-Мария» зашла сначала во французский Брест, где на борт поднялся Остелецкий.

– Конспирация, дорогой барон, конспирация! – объяснил он свою задержку. – Лишний раз перестраховаться не мешает, да и прихватить кое-кого требовалось после Парижа...

«Кое-кто» оказались дюжиной крепких молодцов, навьюченных металлически звякающими сумками и баулами.

– Мое, так сказать, сопровождение, – пояснил Остелецкий. – В краях, куда мы, Гревочка, направляемся, они лишними не будут. А пока вели устроить их где-нибудь, да так, чтобы с командой парохода лишний раз не пересекались.

Закадычные друзья беседовали, стоя на шкафуте. Форштевень с шуршанием режет воду, слепящие солнечные блики играют на мелкой волне, отскакивают от воды, словно от осколков зеркала, вспыхивают на бортах, на подволоках кают, весело прыгают по стенкам надстроек, по стоящим на кильблоках шлюпкам, по траурно-черному кожуху дымовой трубы и раструбам вентиляторов. Позади остался Бискайский залив и переход к Канарским островам. «Луиза-Мария», нарядная, сверкающая надраенной медяшкой, несет хозяев в свадебное путешествие, к далекому горизонту, где уже угадывается в полуденном мареве зубчатый профиль острова Тенерифе.

– То-то, что не поймешь, Гревочка. А вот твоя жена сразу обо всем догадалась. В том числе и насчет «Пасифик Стим»: кто, мол, это такой умный тебе советы дает?

Греве вздохнул. Камилла после завтрака закрылась в каюте, прячась от дневной жары, и теперь они с Остелецким были предоставлены друг другу. Но барон не питал иллюзий: вечером из него вытянут каждое слово, сказанное гостем из Петербурга. Сопrotивляться бесполезно, у баронессы это получалось не хуже, чем у испанских инквизиторов. Правда, несколькими иными методами.

– Что же насчет слонов, – продолжал Остелецкий, – то выбрось их из головы. Нет там никаких слонов, одни пингвины. Вот пойдем Магеллановым проливом, может, и увидишь.

– Да видел я их! – отмахнулся барон. – Когда мыс Доброй Надежды огибали, тогда и видел. Скалистый берег весь в пингвинах, точно как солидные господа во фраках и крахмальных визитках – черно-белые, упитанные и все время гогочут...

– Вот и хорошо, что видел, значит, сюрпризов будет меньше. Что же до того, что начальству из-под шпнца понадобилось на краю света... Я, признаться, поначалу тоже удивился. Но, слава богу, нашлись добрые люди, разъяснили. Видишь ли, могущество Британской империи во многом выросло из того, что они сумели к концу восемнадцатого века взять под свой контроль главные торговые маршруты. Суэцкий канал, Южная Африка...

– Газеты пишут, в Южной Африке у англичан не все ладно, – перебил собеседника барон. – Хоть президент Трансвааля Томас Бюргерс и отговаривает африканеров братья за оружие, но любому наблюдателю очевидно: долго это не продлится. С нынешней полити-

кой британских властей в особенности⁷. Это надо было додуматься: взыскивать недоимки по налогам за годы, предшествовавшие аннексии Оранжевого свободного государства! Неудивительно, что буры готовы взбунтоваться! А тогда найдется немало желающих помочь отвоевать свободу. Мы, скажем, или те же немцы с голландцами. Им буры, считай, родня!

– Об этом я тебе и толкую! Но если кто-то вознамерится вырвать зубы у британского льва, то он должен не топить английские броненосцы и даже не поднимать мятежи среди покоренных народов. То есть это, конечно, дело полезное и даже необходимое, но главное все же – перехватить у них из рук торные океанские дороги и крепко встать там, где эти дороги сходятся. В естественных узостях, которых никак не миновать: Гибралтар, мыс Доброй Надежды, Баб-эль-Мандебский и Малаккский проливы... Да что я тебе объясняю, сам прекрасно все знаешь – после вашей-то одиссеи!

Греве кивнул. Действительно, почти полугодовое крейсерство в Индийском океане, в котором он участвовал в качестве офицера русского военного клипера, как раз и было нацелено против морской торговли, этой ахиллесовой пяты Британской империи.

– Так о чем бишь я?... – продолжал Остелецкий. – Дело ведь не в том, чтобы самим взять под контроль узкие места морских торговых путей, а в том, чтобы этого не сделала Англия. Это ведь сейчас они ослаблены, но ты и моргнуть не успеешь, как островитяне опомнятся от поражений и возьмутся восстанавливать статус-кво. России пока не под силу помешать Британии «править морями» – так, кажется, поется в их гимне? В одиночку – да, не под силу, а вот в союзе с другими державами...

– Консорциум Суэцкого канала? – понимающе усмехнулся барон.

– Да, и Аден, доставшийся османам. И Занзибар, на котором Российский императорский флот будет теперь присутствовать вместе с германцами. Курочка по зернышку, знаешь ли.

– Ты повторяешь слова моей дражайшей супруги, – ухмыльнулся барон. – И про Суэц, и про Занзибар...

– Как я уже имел удовольствие отметить, мадам Камилла – умнейшая женщина, – серьезно ответил Остелецкий. – Держись за нее, мин херц, не пропадешь.

Барон насупился. Дифирамбы, обильно расточаемые уму и талантам супруги, начали его утомлять.

– Так я, с твоего позволения, продолжу... – Остелецкий вытащил кожаный портсигар, извлек бледно-зеленую гаванскую сигару, провел ею под носом, смакуя запах. – Сейчас на главных морских путях англичане либо потеснились, либо вынуждены терпеть соседство других держав, как это вышло с французской аннексией Мадагаскара. Закрепятся лягушатники, построят базу флота – и это в двух шагах от мыса Доброй Надежды, маршрут вокруг которого только и остался Британии после потери Суэца и Адена! Можешь себе представить, чтобы они стерпели нечто подобное перед войной? Да ни в жизни!

Остелецкий извлек из кармана складной ножик с круглым отверстием в рукояти. Раскрыл, вставил в отверстие кончик сигары, действуя лезвием, как гильотинкой, отделил кончик и принялся раскуривать. Барон терпеливо ждал, пока приятель закончит священнодействие.

– Таким образом, – снова заговорил Остелецкий, пуская первые клубы ароматного дыма, – полностью полагаться на маршрут вокруг Африки англичане не рискнут. А значит, им остается что?

– Маршрут в обход Южной Америки? Так они смогут беспрепятственно добираться до своих колоний в Индии и Австралии.

– Именно! И заметь, англичане не теряют времени даром: пока в проливе стоит только коммерческая угольная станция, устроенная, между прочим, твоей разлюбленной «Пасифик Стим»... Но ведь лиха беда начало! Стоит Лондону договориться с властями Чили – а они

⁷ В реальной истории Первая англо-бурская война началась в конце 1880 года.

договорятся в обмен на военную помощь, – и там появятся уже британские стационары. А дальше и береговые батареи построят, и стоянку для судов королевского флота. И тогда не пройти мимо них, ни проехать. Вести войну в такой тмутаракани ни одной державе не под силу, а у англичан под боком и Фолклендские острова, и Британская Гвиана, и до Южной Африки не так уж далеко. Поди выкури их оттуда!

– И вы хотите с моей помощью взять под контроль «Пасифик Стим» и таким образом помешать англичанам?

– Это будет только первый шаг. Я ведь не зря упомянул о войне, которая сейчас идет между Чили, Боливией и Перу. На их селитру и птичье дерьмо нам, в общем-то, наплевать, а вот помочь перуанцам не уступить южному соседу – это значит серьезно нарушить планы англичан. Для этого мы с тобой, Гревочка, туда и направляемся. Другой вопрос, что делать это придется исподволь, возможно – чужими руками. Ничего не попишешь, дружище, такая уж у нас теперь служба... – добавил он, увидев, как скривился барон. – Сам посуди: броненосную эскадру с Балтики туда враз не пригонишь, один-два клипера, если прислать их на помощь перуанцам, дела не решат. Вот и приходится изыскивать иные, не столь эффектные и героические способы.

Звякнул колокол, приглашая пассажиров «Луизы-Марии» к столу. Барон оглянулся – на полуют легким кружевным облачком белело платье Камиллы.

Распорядок дня для пассажиров «Луизы-Марии» был составлен на английский манер: завтрак – в восемь утра, ланч – в час пополудни, вечером, в пять часов, – неизменный файф-о-клок, к которому подавали свежие булочки и тосты с вареньем. И, наконец, в восемь пополудни – обед. Меню предлагалось континентальное: на ранний завтрак подавали кофе, а не чай, а к ланчу вместо принятой на островах холодной говядины и сыра – супы, рыбные блюда и жаркое.

Сегодня кок решил порадовать господ суп-кремом из брокколи и яйцами кокотт в шампиньонном пюре. Остелецкий упражнялся в остроумии, сравнивая французские изыски с казенной кормежкой на судах российского флота – разумеется, неизменно в пользу последней. Гreve горячо поддержал друга, вызвав недовольную гримаску на лице супруги: «Как вы можете, мон ами: щи, каша, солонина – это все так грубо! Я бы трех дней не прожила на такой пище...» Остелецкий похохатывал, вставляя в беседу сочные описания из быта матросских кубриков, чем еще больше распалил негодование собеседницы – шуточное, разумеется.

– К восьми склянкам станем на рейде, – сообщил шкипер Девилль, дождавшись, когда пассажиры закончат кулинарный диспут. – Вам, барон, насколько я помню, приходилось здесь бывать?

– Так и есть, мсье, – кивнул Гreve. – Наш «Крейсер» из Филадельфии отправился сначала на Карибы. Приняли в Гаване уголь и провиант, потом перемахнули Атлантику, и следующая стоянка была в Санта-Крус-де-Тенерифе.

Он показал вилкой на конус древнего потухшего вулкана Тейде, наивысшей точки Канарских островов, несколько часов как показавшегося из-за горизонта.

– Дальше мы должны были следовать в обход мыса Доброй Надежды, в Индийский океан. На заход в Кейптаун надежды тогда было немного, войны ждали со дня на день, вот и пришлось забункероваться до упора и даже сверх того. Не поверите: у нас все палубы были загромождены мешками с углем и камышовыми клетками с курами, а на полубаке соорудили дощатый загончик для свиней! Такое, помнится, амбре стояло, пока всех хрюшек на камбуз не перетаскали...

– Ты лучше расскажи, как вы с Тенерифе драпали! – перебил бароновы воспоминания Остелецкий. – Мадам, вам ведь известна эта история?

Брови Камиллы удивленно взлетели вверх.

– Нет, мсье, представьте, понятия не имею. Что там такое было, мон шер?

– А-а, вздор... – Гreve пренебрежительно махнул рукой. – На Тенерифе мы пришли в октябре, и война с Англией, как я уже говорил, видна была уже невооруженным глазом. На

Тенерифе стоял стационаром британский броненосный фрегат «Шеннон». Противник весьма серьезный – такому, если дойдет до драки, наш «Крейсер» на один зуб. Тактика англичан была понятна: стоит нам уйти с рейда, как «Шеннон» увяжется за нами. Надо было срочно выдумывать, как избавиться от этой опеки, и, скажу без ложной скромности, идея принадлежала вашему покорному слуге...

Барон откусил кусочек тоста с вишневым джемом, отхлебнул кофе.

– Так вот. Городишко Санта-Крус-де-Тенерифе в числе прочих достопримечательностей может похвастать оперным театром. Труппа там, конечно, хиленькая, ну да на безрыбье и рак рыба. На третий день стоянки после угольной погрузки и большой приборки наш командир капитан-лейтенант Михайлов, дай Бог ему здоровья, отпустил команду на берег: напиться, гульнуть в портовых кабаках, лаймам морды понабивать – это уж как водится. А для господ офицеров было подготовлено развлечение поизысканнее: из экономических сумм капитан-лейтенант приобрел билеты в оперу, на лучшие места. Узнав об этом, англичанин, командир «Шеннона», решил не ударить в грязь лицом и последовал его примеру. Первый акт наши офицеры просидели в зале, наслаждаясь испанскими баритонами и сопрано, а после антракта стали как бы невзначай, по одному, покидать зрительный зал. Одновременно по портовым кабакам боцмана со специально отряженными командами вылавливали и возвращали на борт матросиков. Так что когда последний из офицеров прибыл на клипер, команда была в сборе, пары разведены, «Крейсер» готов был выйти в море. Покидая бухту, мы прошли в полукабельтове от «Шеннона», стоявшего на якоре без паров, с одной стояночной вахтой, и слышали бы вы, как лаймы нас поносили, когда поняли, что происходит! Камилла рассмеялась.

– И правда, прелестная история, мон шер! Положительно, она могла бы стать украшением авантюрного романа в стиле мсье Дюма-сына. Надеюсь, у тебя есть еще что-нибудь подобное в запасе?

– Увы, дорогая... – Барон сделал постную физиономию. – Мыс Доброй Надежды мы миновали без приключений, а вскорости встретили и «Луизу-Марию». Так что все дальнейшее происходило на твоих глазах, кроме финала на Занзибаре, разумеется. А вот наш гость... – он мстительно ухмыльнулся товарищу, – наверняка может многое порассказать!

– В самом деле, мсье Остелецкий! – подхватила баронесса. – Теперь ваш черед. И не смейте отказываться, ни за что не поверю, что вам нечего рассказать!

Венечка развел руками.

– Куда мне до такого морского волка, как ваш супруг, мадам! Я и в океане-то впервые...

– Ну-ну, не скромничайте! – Камилла надула губки. – Признайтесь честно, что попросту не желаете!

– Ну, раз уж мадам настаивает... – сдался Остелецкий. – Был, помнится, один в случай в Порт-Саиде. Только сразу предупреждаю: он скабретен до крайности!

– Тогда тем более давайте! – Баронесса оживилась. – Обожаю неприличные истории!

– Ну, хорошо. – Остелецкий откашлялся. – Корвет, на котором я тогда служил, пришел в Порт-Саид в составе объединенной русско-турецкой эскадры. Ну, и наш командир, как старший морской начальник на рейде, устроил на судне прием для представителей дипломатического корпуса. Подобной публики собралось тогда в Порт-Саиде превеликое множество: переговоры о статусе Суэцкого канала все же! Ну, явились все эти расфуфыренные господа на борт, и не одни явились, а с женами. На палубе для них расставили столы, приглашенный с берега оркестр наярывает, вестовые в накрахмаленных голландках разносят перемены блюд.

И все бы ничего, но у супруги французского посланника возникла необходимость из разряда «попить наоборот». А корвет наш был из ранней серии, построенный еще в начале шестидесятых, в Архангельске, и галюн на нем располагался, как и на прочих парусниках, под бушпритом, между риделями. Супруга посланника, догадываясь, что половина подзорных труб и биноклей на окружающих судах в тот момент нацелены на нас, не решилась эпатировать

своей обнаженной... хм... кормовой частью весь Порт-Саид и отправилась на поиски местечка поукромнее. Увидела открытый люк с трапом, заглянула, никого там не увидела, спустилась на несколько ступенек и принялась задираť свои оборки. На ее беду, как раз под этим трапом возился матросик-первогодок, подкрашивал что-то по указанию боцмана. Заметив вверху эдакое непотребство, матросик задул светильник и притаился в полутьме. И когда француженка, устроившись поудобнее, с упоением зажурчала, матросик макнул кисть в кандейку с краской и мазнул ей меж ног. Мадам посланница натурально завопила и выскочила, как была, растрепанная, на шкафут, пред взоры обедающей публики...

Камилла, зардевшись, прыснула в салфетку. Гreve давился от смеха.

– Скандал, разумеется, вышел феерический. Командир корвета сделался черен лицом, спустился в низы и потребовал доставить к себе виновного. Ну, его доставили. Надо наказывать, а за что? Петровским морским уставом предусмотрено многое, но вот именно такого случая там нет. В главе шестая на десять, пункте сто двадцать девять, например, есть «Кто женский пол изнасильствует и освидетельствуется, за то оной живота лишен да будет или вечно на галеру послан будет, по силе дела». Но ведь не было насильственного действия! Наконец в разделе «Чищение и покраска кораблей» нашли зацепку: «Всяк матрос, нашедший на корабле щель и закрасивший оную, предварительно не проконопатив, подлежит наказанию плетью у мачты и лишению воскресной чарки сроком на год».

– И что? – едва сумел выговорить Гreve. Он весь был красный как рак от смеха. Камилла уткнулась лицом в сложенные ладони, плечи ее беззвучно сотрясались.

– Как – что? Статьи этой никто не отменял, так что и выпороли, и лишили. С уставом, брат, шутки плохи!

– «...предварительно не законопатив!..» Ну ты, брат Вениамин, и отмочил! Историю эту про Порт-Саид и супругу французского посланника, признайся, выдумал? Я доподлинно знаю: не служил ты ни на каком корвете, да и корветов наших в Средиземном море тогда не было!

– Выдумал, да не совсем. – Остелецкий состроил невинную мину. – Приключилась эта коллизия при государыне-матушке Екатерине Великой, только не с женой посланника, а с фрейлиной государыни, когда та на флагмане Черноморской эскадры обедать изволила со всей придворной камарильей. Что до Порт-Саида, то мне действительно довелось там побывать, но о тогдашних своих делах, уж извини, рассказать не могу. Даже тебе.

Они наблюдали, как матросы под руководством судового плотника стучат молотками, подводя подкрепление палубы под установку орудий. Их было два, оба с клеймами «Крупн Штальверке» на казенниках, нарезные, калибра сорок две линии, на поворотных станках.

Приспособленные для стрельбы разрывными гранатами и чугунными коническими ядрами, эти пушки не представляли серьезной угрозы для броненосных судов, но были весьма опасны для безбронных корветов, канонерок и вооруженных пароходов. Гreve намеревался, как только «Луиза-Мария» минует экватор, поднять орудия из трюма и установить на палубе. Обслугу, дюжину канониров и двух унтеров, набрали в Риге из отставных военных моряков. Остелецкий привез их вместе со своими «пластунами» и разместил в носовом трюме, и сейчас артиллеристы помогали матросам с подкреплениями полубака.

– Кстати, о происшествиях, – сказал Остелецкий. – Помнишь отель, где мы останавливались в Париже?

– Конечно, – кивнул Гreve. – Весьма приличное заведение, да и кухня в ресторане отменная.

– Приличное, говоришь? А вот меня в этом приличном заведении обокрали-с! Я тогда вернулся из «Фоли-Бержер» навеселе и сразу повалился спать. Только утром обнаружил, что без меня в номере кто-то побывал.

– Что ты говоришь? – Барон встревожился. – И много взяли?

– Из сейфа в кабинете номера пропало пятьдесят золотых наполеондоров и пачка кредитных билетов Германского имперского банка.

– А бумаги какие-нибудь были? Служебные?

– Было кое-что... – неохотно признал Остелецкий. – Но они-то как раз остались на месте, так что я решил, что это обычные воры.

– Хороши воры – сейф сумели вскрыть! Ты хоть администрации отеля сообщил?

– Нет, не хотел впутывать полицию. Мне их внимание, сам понимаешь, было тогда ни к чему.

– Ну, может, и правильно, – согласился с другом барон. – А все же не нравится мне эта история. А если это не воры? Что в тех бумагах было?

– Да так, больше по мелочи... – Остелецкий ответил неохотно, после некоторой паузы. – В основном справки насчет финансового положения «Пасифик Стим». Те, что я тебе днем в кофейне показывал, припоминаешь?

Барон кивнул. Он хорошо помнил эти документы, именно они укрепили его в решимости приобрести пай в британской паровой компании.

– Слушай, если сейф взломали из-за бумаг, то, значит, и за нами могут следить? Ты пойми, я не за себя беспокоюсь!

– За супругу, понимаю, что ж тут неясного? – отозвался Остелецкий. – Прости, дружище, но тут я тебя разубеждать не стану, потому как и сам ни в чем не уверен. Да, вполне может статься, кто-то в те бумаги и заглянул. Так что очень вовремя ты пушки ставишь. С ними, знаешь ли, как-то спокойнее.

– С ними и с твоими морскими «пластунами», – согласился барон. – Я давеча заглянул в носовой трюм, где они устроились, полюбовался, как они упражняются с ножиками и шашками. Сушие головорезы, доложу я тебе! И где вы таких нашли?

– Военный секрет, – с ухмылкой ответил Остелецкий. – Что ты, маленький, о подобных вещах спрашивать? А если серьезно, ты прав, Гревочка, с этими молодцами и вправду на душе спокойнее. Дорога дальняя, мало ли что приключится?

IX

Июль 1879 г.

Северо-Американские

Соединенные Штаты. Норфолк

Решетчатая деревянная стрела крана дрогнула, закрипели блоки, трос побежал, наматываясь на барабан, вращаемый паровой машиной. Тяжеленный металлический лист, издыранный по краям, оторвался от деревянных брусков и поплыл по воздуху. Десятки рук подхватили его, наклонили, установили по месту. Другие руки, вооруженные длинными кузнечными клещами, выхватили из пышущих жаром горнов раскаленные до вишневого свечения заклепки. Загрохотали клепальные молотки, полетели искры – и лист занял свое место в броневом поясе.

– Похожее судно нам предстоит принять в Сан-Франциско, – объяснял Повалишин. – Американцы после боя в Чесапикском заливе спешно кинулись обновлять мониторный флот – достраивать недостроенные, закладывать новые, вносить изменения в устаревшие образцы. Этот, к примеру, один из четырех двухбашенных мониторов типа «Миантономо», заложенных еще во время Войны Севера и Юга. Из них в боевых действиях успел поучаствовать только «Монаднок», остальные были достроены уже после войны и почти сразу выведены в резерв. В семьдесят четвертом, когда дело едва не дошло до войны с Испанией, их решили спешно отремонтировать и ввести в строй, но оказалось, что деревянные, обшитые броней корпуса успели прогнить насквозь. В итоге их списали на лом, а под их именами заложили новые. Причем сделано это было так, что корабли продолжали числиться в ремонте, и когда в прошлом году снова запахло жареным, выяснилось, что к службе пригоден один лишь «Пуритан», да и тот весьма условно.

Сережа, задрав голову, смотрел на очередной лист брони, раскачивающийся на таях.

– Я слышал, он отличился при штурме Квебека?

– Так и есть, – кивнул Повалишин. – Американцы ввели в устье реки Святого Лаврентия эскадру из двух мониторов, «Пуритана» и «Уайандотта» и трех колесных канонерок. Они и раскатали батареи, прикрывающие Квебек. Если бы не эта поддержка, мятежники бы кровью умылись, а так потеряли всего восемьдесят пять человек убитыми да сотни полторы ранеными.

– А что англичане? Они что, не помешали?

– Э-э-э, батенька, так у них там были только старый парусный шлюп и речная колесная канонерка. Они, конечно, оказали сопротивление, но сила солому ломит. Шлюп «Пуритан» отправил на дно тараном прямо на якорной стоянке, а канонерка спустила флаг, после того как три бомбы с «Уайандотта» сначала расколотили ей котел, а потом перебили расчет единственного орудия.

– А этот монитор, как он попал в Сан-Франциско? Вроде все четыре строили на Восточном побережье?

– Да, здесь, в Норфолке. «Монаднок», как я вам уже говорил, достроили за семь месяцев до окончания войны. Монитор успел поучаствовать в бомбардировке форта Фишер, а потом, после ремонта (его броня выдержала пять попаданий с береговых батарей конфедератов!), отправился в Мексиканский залив охотиться за «Стоунволлом», новейшим броненосцем южан. Но эпического сражения не случилось: командир «Стоунволла», узнав о капитуляции армии генерала Ли, ушел в Гавану, к испанцам, и там разоружился. А «Монаднок» вскоре отправился на Тихий океан и дополз туда аккуратно к начавшейся войне.

– Это между Испанией с одной стороны и Перу, Бразилией и Боливией – с другой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.